АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

К. М. МИРЗАЕВ

АМЛЯКОВАЯ ФОРМА ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ТАШКЕНТ—1954

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АМЛЯКОВОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Амляковая земельная собственность, или амляк, была основной формой феодальной собственности в Бухарском ханстве. Эмир, как верховный собственник амляковой земли, через подчиненных ему представителей низшей администрации путем внеэкономического принуждения взимал с крестьян, обрабатывавших амляковые земли, херадж и другие виды податей, которые можно определить, следуя указаниям Маркса, как феодальную ренту-налог.

И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» подчеркивает, что «внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»[1]. Это положение И. В. Сталина является главным отправным пунктом при решении вопроса об амляковой форме феодальной собственности в Бухарском ханстве.

Специальных исследований об амляке в нашей исторической и экономической литературе нет, а отдельные высказывания по этому вопросу, сделанные востоковедами, до сих пор давали весьма неясное и часто ошибочное представление об этом важнейшем феодальном институте Бухарского ханства.

Путаница в этом вопросе доходит до того, что одни востоковеды вообще не видят принципиального отличия амляка от милька, смешивают эти два института, в силу этого не будучи в состоянии понять и уяснить значение этих институтов, их взаимоотношения и замазывая факт существования крупного феодально-милькового землевладения, с одной стороны, и

[1] И. Сталин, «Экономические проблемы социализма в СССР», Госполитиздат, 1952, стр. 41.

наличия распорядителя амляковой земли, т. е. верховного феодального собственника — с другой. Другие проводят различие между амляковыми и хераджными землями, представляя их как две независимые формы землевладения и тем самым еще больше запутывая вопрос.

Прежде чем приступить к анализу амлякового землевладения, нам необходимо рассмотреть и подвергнуть критике существующие в литературе по этому вопросу ошибочные взгляды и затем, опираясь на факты, дать правильную характеристику феодальных институтов, важнейшим из которых в Бухарском ханстве являлся амляк.

Прежде всего следует рассмотреть взгляды тех авторов, которые пытались обособить амляковые земли от земли хераджной, превратив их тем самым в самостоятельные формы землевладения. Такого рода поверхностное представление о двух якобы самостоятельных формах землевладения является не случайным. Оно вытекает из наличия двух терминов, обозначавших одно и то же понятие и употреблявшихся в то время населением Бухарского ханства. Слово «амляк», как известно, представляет собой множественное число от «милька». Термин «амляк» означал собственность государства на землю, находившуюся во владении крестьянских хозяйств, уплачивающих хераж государству. Но наряду с амляковыми землями существовали еще земли «мильки-хурри-халис», часто сокращенно называемые «мильк», собственниками которых являлось население, освобожденное от уплаты всякого хераджа. Термин «амляк» употреблялся не в значении совокупности «мильки-хурри-халис», освобожденных от уплаты хераджа, а как множественное число милька, принадлежащего государству и охватывающего совокупность всех мелких крестьянских хозяйств, сидевших на раздробленных амляковых землях, каковые являлись единой государственной собственностью феодальной Бухары.

В административном отношении Бухарское ханство разделялось на амлякства во главе с амлякдарами. В каждой из таких административных единиц имелись как амляковые земли, так и земли мильки-хурри-халис. Но, чтобы отличить амляковую землю, как землю государственную, от земли мильки-хурри-халис, в административных кругах ханства для обозначения совокупности этих раздробленных государственных земель употреблялся термин «амляк». В то же время в обиходе населения ханства и в актах купли-продажи те же самые участки земли — амляк в единственном числе — в противоположность землям мильки-хурри-халис назывались «мильки-хераджи», или хераджные земли, т. е. земли, за которые надлежит платить хераж государству.

Хераджные земли, естественно, стоили значительно дешевле, чем земли мильки-хурри-халис. По всей вероятности сравнение цен этих двух категорий земли, постоянно повторяющееся в связи со все бо́льшим расширением купли-продажи их, послужило причиной выделения термина «хераджные земли», — термина, отнюдь не обозначающего особой формы землевладения, а тождественного по смыслу термину «амляк». При этом следует заметить, что среди множества документов, хранившихся в так называемом архиве кушбеги[1] и в Институте востоковедения АН УзССР, мы не обнаружили ни одного документа («васика»), говорящего о продаже амляковой земли с упоминанием самого слова «амляк». Весьма редко встречали мы упоминания и о продаже земли «мамлака»; все документы купли-продажи оформлялись словами «мильки-хераджи» или «хераджные земли», под каковыми, несомненно, понимались отдельные участки амляковой земли. Этот факт лишний раз подтверждает равнозначимость этих двух терминов.

Многие востоковеды, не вникавшие в действительный смысл этих двух терминов, стали произвольно отделять земли амляка от хераджных, стремясь образование последних объяснить завоеванием арабами Средней Азии. При рассмотрении этого вопроса они обычно исходили не из реально существовавших экономических отношений, но обращались к средневековой мусульманской догме.

Одним из первых авторов, внесших большую путаницу в этот вопрос, был Н. В. Ханыков, писавший в первой половине XIX в. Он первый подразделил земли Бухарского ханства на три категории: земли хераджные, мильковые и амляковые. Хераджными Н. В. Ханыков называл земли, отнятые у населения с боем (жители которых приняли мусульманство по принуждению), равно как и те земли, жители которых не приняв мусульманства, стали подданными мусульман на условиях уплаты податей (хераджа). Далее он пишет, что до появления милька и амляка все земли принадлежали к «отделу» хераджа.

«Так как мы знаем, — пишет Н. В. Ханыков, — что в Бухарском ханстве мусульманство было введено силою, то все земли этого владения принадлежат к отделу хераджа, обстоятельство же и обычай ввели два особенных рода земли, называемые мульк (мильк. К. М.) и амляк»[2]. Итак, земли амляка Н. В. Ханыков обособляет от хераджных земель и проводит различие между ними так же, как и между двумя первыми, с одной стороны, и землями милька — с другой.

[1] Архив кушбеги находится в Государственном архиве МВД УзССР.
[2] Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 117.

Мильком Н. В. Ханыков называл земли, которые были «пожалованы» эмирами в вечное и потомственное владение. Однако, из каких фондов эти земли были пожалованы, он нам не объясняет. Что касается амляка, то он, по словам автора, происходит от милька: «амляк есть такого рода мулька, на который дарственная запись утратилась из государственного архива»[1]. Таким образом, по мнению Н. В. Ханыкова, со времени завоевания Бухары арабами все земли превратились сначала в земли хераджные, затем «обстоятельство же и обычай ввели два особенных рода земли, называемые мулька и амляка». Впоследствии амляк, в свою очередь, возник из милька, «на который дарственная запись утратилась из государственного архива». Иначе говоря, государственные земли (хераджные) порождали земли милька, а затем из милька порождались опять государственные (амляковые) земли. Как видно, при рассмотрении вопроса о землях амляка Н. В. Ханыков не мог свести концы с концами. Такая путаница у него — следствие непонимания различных по звучанию, но одинаковых по содержанию своему терминов «амляк» и «херадж».

Д. Н. Логофет, изучавший положение в Бухарском ханстве много позже, в начале XX в., повторяет толкование понятий «амляк» и «хераджные земли», данное Н. В. Ханыковым. Трактовка Д. Н. Логофетом первоначального образования амляка, так же как и указание его на различия между амляковыми и хераджными землями, ничем не отличаются от приведенных нами выше положений Н. В. Ханыкова. Кроме компиляции положений Н. В. Ханыкова и дальнейшего запутывания вопроса о землевладении в Бухарском ханстве, мы у Д. Н. Логофета, по существу, ничего не находим.

А. А. Семенов, по примеру предшествующих ему авторов, также разделяет амляковые и хераджные земли, и образование последних связывает с «завоеванием страны мусульманами»[2]; относительно же образования амляка он дает несколько иное толкование, чем Н. В. Ханыков и Д. Н. Логофет. По мнению А. А. Семенова «амляковые земли ... образовались из втуне лежащих пустынных земель, которые были разрешены потендатами страны населению к орошению и обработке на известных условиях, обычно более обременительных в податном отношении, по сравнению с податями хераджных земель»[3].

Вопреки утверждению А. А. Семенова, хераджные земли образовались не вследствие завоевания страны мусульманами, а именно из втуне лежащих пустынных земель, принадлежавших по праву эмирам. Термин «хераджные» и «амляковые» обозначает не два разных понятия, а понятия об одном и том же объекте, — понятия, вполне идентичные. Множество документов, находящихся в архиве кушбеги и в Институте востоковедения АН УзССР, опровергают мнение А. А. Семенова о существовании двух самостоятельных форм землевладения — амляка и хераджа — и об источниках их образования. Чтобы не оказаться голословными, мы ниже приводим один из этих документов, характеризующих источники образования хераджных земель. Вот что пишет эмиру один из чиновников Бухарского ханства мулла Бака-ходжа:

«О ласкающий раба!

Под именем Джурабека и Мухамед-Шарифа из местности Конджа, тумана Хайрабад, доложивши до сведения его величества, доставили на имя этого раба письмо моего государя с заявлением. В заявлении говорится о том, что на вышеупомянутой местности имеются немногие мертвые, необработанные земли без владельца. Надеемся с позволения его величества занять, обрабатывать упомянутые земли наряду с хераджными землями, имеющимися в упомянутом тумане, и платить ежегодно высочайшему государству надлежащий херадж.

Этот раб богомолец по милости его величества, моего государя, проверил, осмотрел, и оказались действительно немногие мертвые, без владельца, необрабатываемые земли, которые соприкасаются с трех сторон с землями мильки-хераджи, другая их сторона направлена в сторону Хорезма. Аксакалы упомянутой местности на 14 танапов этих земель заключили соглашение с Джурабеком и Мухамед-Шарифом в сумме 800 тенег и выразили надежду, что если его величество будет согласен с упомянутой суммой, то эти лица могут приобрести и обрабатывать эти земли, уплачивая ежегодно высочайшему государству надлежащий херадж. Об этом ваш раб и богомолец уже сделал доклад. Этот раб получил письмо его величества, моего государя, о том, что можно произвести обмер танапов, записать их в тетрадь хераджных земель данного тумана и передать им, получив благословение.

О опора вселенной!

Этот раб вымерил 14 танапов земли, записал в тетрадь и передал упомянутым Джурабеку и Мухамед-Шерифу, а полученные 800 тенег со своим человеком отправил во дворец»[1].

---

[1] Н. В. Ханыков, цитированная работа, стр. 119.

[2] А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 9.

[3] Там же, стр. 25.

[1] Архив кушбеги, несмотря на его огромное значение для истории народного хозяйства Узбекистана, до сих пор не разобран и не описан, вследствие чего документы не имеют номеров и пользование ими крайне затруднено.

Этот документ не оставляет места для каких-либо кривотолков насчет образования хераджных земель и, следовательно, адэкватности их амляковым землям. Искусственное разделение амляка и хераджной земли и объяснение образования первого из втуне лежащих пустынных земель, а последней — как следствия мусульманского завоевания Бухары, является, таким образом, не чем иным, как плодом необоснованных заключений упомянутых выше востоковедов.

Следует отметить, что совершение купли-продажи земли не дает основания утверждать о наличии права собственности покупателей на землю. Из приведенного нами выше документа явствует, что купленные «мертвые» земли после их «оживления» и обработки становятся землями хераджа, т. е. амляковыми землями.

Для некоторых востоковедов основанием для разделения амляковых и хераджных земель служит, может быть, письмо Мирзы Насруллы-бия кушбеги, хранящееся в архиве кушбеги и представляющее собой ответ на запрос российского политагенства в 1912 г. В этом письме наряду с амляком упоминаются хераджные земли. Однако письму этому не следует доверять: Мирза Насрулла-бий кушбеги, как и остальные придворные чиновники эмира, не имел представления о действительном экономическом положении Бухарского ханства и потому, объясняя существующие формы землевладения, легко мог впасть в ошибку.

Неправильное толкование и искажение фактов касательно земельного вопроса в Бухарском ханстве, допущенное указанными выше авторами, нашло отражение и в «Истории народов Узбекистана». В частности А. А. Семенов, являющийся одним из авторов этого труда, полностью повторяет здесь свои ошибочные взгляды по рассматриваемому нами вопросу.

Так, например, в этой книге мы читаем: «... Земли хераджные (замини-хераджи), составлявшие исконную принадлежность земледельческого населения страны: при арабском завоевании они были оставлены за ним, как обычные частные владения, но обложены податью херадж, взимавшейся в размере в два раза большем, чем если бы это были земли правоверного арабского населения. Однако и при полной впоследствии мусульманизации Средней Азии эти земли так и остались хераджными...»[1].

Что касается амляковых земель, то и в этом случае А. А. Семенов повторяет здесь то, что уже было высказано им в его прежней работе, а именно, что эти земли образовались «из орошенных после арабского нашествия впусте лежащих земель (замини-мават)»[1].

[1] История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, 1947, стр. 144.

Не меньше путаницы и противоречивых высказываний мы встречаем, сталкиваясь с вопросом о размерах обложения амляковых и хераджных якобы самостоятельных земель. Так, например, Н. В. Ханыков пишет, что с амляковой земли взимается «не менее наименьшего хераджа, существующего в государстве»[2]. А. А. Семенов же, в противоположность Ханыкову, считает амляковые земли «более обременительными в податном отношении по сравнению с податями хераджных»[3]. Д. Н. Логофет, в отличие от Н. В. Ханыкова и А. А. Семенова, не находит разницы в размерах податей от этих земель, он приводит различие лишь денежного и натурального характера. По его мнению «с амляковых земель взимается подать в размере 1/5 части урожая и притом обязательно деньгами», а с хераджных земель «в размере 1/5 части урожая ... обязательно натурою — зерном»[4].

Итак, раньше непонимание тождественности терминов приводило востоковедов к неправильному, произвольному разделению земель на амляк и хераджные; а затем, как неизбежное следствие этого искусственного разделения, появились противоречивые высказывания о размерах взимаемых с них податей.

В историко-востоковедческой литературе мы встречаем справедливое признание тождественности терминов «земли хераджа» и «амляк». Так, например, М. Н. Ростиславов, несмотря на противоречивость его мнений по этому вопросу, все же признает, что «амляковые земли называются иначе землями хераджа, т. е. оплачиваемыми податями»[5].

В опубликованном в 1885 г. «Проекте всеподданнейшего отчета» автор его был вынужден признать неопровержимым факт единства значения этих двух терминов. Он писал: «Земли, называемые амляк, соответствуют тому виду земель государственных, которые по мусульманской теории именуются хераджи»[6].

По существу не делает различия между амляковыми и хераджными землями и Л. Н. Соболев: «С земель мильк-хераджа сбирается оброчная подать, херадж. Эта подать, как и

[1] История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, 1947, стр 144.
[2] Н. В. Ханыков, цитированная работа, стр. 118.
[3] А. А. Семенов, цитированная работа, стр. 25.
[4] Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 46.
[5] М. Н. Ростиславов, Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, СПб., 1879, стр. 33.
[6] К. П. Кауфман, Проект всеподданнейшего отчета К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 г. — 25 марта 1881 г., Воен.-Учен. к-т Главного штаба, СПб., 1885, стр. 231.

обыкновенный херадж с амляковых земель, назначается за право пользования и владения землею, почитаемой собственностью государства»[1].

Таким образом, чтобы избежать повторения двух одинаковых по своим значениям терминов, мы в дальнейшем будем употреблять лишь термин «амляк» как единый термин, включающий в себя понятие «хераджные земли».

Если при рассмотрении земельного вопроса в Бухарском ханстве буржуазные востоковеды искусственно разделяли государственные земли на амляковые и хераджные, запутывая вопрос об источнике их образования, то при рассмотрении земель амляк и земель мильки-хурри-халис они, наоборот, стали совершенно безосновательно отождествлять эти две самостоятельные формы феодального землевладения.

По мнению А. А. Семенова как мильки-хурри-халис, так и амляковые земли представляют собой, по существу, одну и ту же категорию земель, а именно земли частновладельческие. Так, например, он пишет: «земли в узком смысле частновладельческие, не изъятые из гражданского правооборота, были четырех родов»[2]. Дальше он перечисляет их: мильки-хурри-халис, мильки-хераджи, мильки-ушри и амляковые земли. Из этого перечисления явствует, что амляковые земли автор ставит в один ряд с мильки-хурри-халис.

Тем не менее он тут же устанавливает между этими двумя видами земель различие податно-налогового характера и признает, что с амляковых земель государством взимались подати и налоги, «владельцы» же земли мильки-хурри-халис не платили никаких налогов. Более того, он пишет, что «если фактическое пользование такою землею (земли мильки-хурри-халис. К. М.) принадлежало податному сословию или населению, то оно платило налоги владельцу этой свободной от налогов земли, так называемому мюлькдору»[3].

Для А. А. Семенова не только не существует различия между амляковой и мильковой землями, но и самое присвоение феодалом ренты представляется ему как взимание обычных налогов, в буржуазном понимании этого слова. Он отрицает наличие в Бухарском ханстве феодализма и стремится модернизировать понятия, вкладывая в них современное буржуазное содержание. А. А. Семенов не сумел увидеть под «налогом» отношение собственников земли к непосредственным производителям как отношение, характерное для феодализма, но со специфическими среднеазиатскими чертами.

[1] Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, Зап. Русск. Геогр. О-ва по отд. статистики, 4, 1874, стр. 375—376.
[2] А. А. Семенов, цитированная работа, стр. 9.
[3] Там же, стр. 19.

Земли мильки-хурри-халис отличаются от амляковой земли тем, что они представляют собой частные, свободные от налогов земли и состоят как из крупного землевладения, владений так называемых милькдаров, так и из мелких парцеллярных крестьянских хозяйств. Амляковые же земли, в отличие от мильки-хурри-халис, представляют собой земли, находящиеся во владении мелких, раздробленных земледельческих хозяйств, но являющиеся собственностью феодального государства.

Следовательно, отождествлять эти две категории земель Бухарского ханства, называя их без различия частновладельческими и сводя феодальную ренту и в том и в другом случае к простым налогам, как это делает А. А. Семенов, значит замазывать наличие двух антагонистических классов — господствовавшего класса феодалов и класса феодально зависимого сельского населения.

Вносит путаницу в рассматриваемый вопрос и П. П. Иванов. Его утверждения по существу ничем не отличаются от утверждений А. А. Семенова. Он пишет: «...Государственные земли являлись главным источником, из которого пополнялся фонд земель частновладельческих, так называемых мильковых или амляковых, составлявших собственность местной феодальной знати и отчасти других имущих слоев местного общества»[1].

Не разобравшись в формах землевладения Бухарского ханства, П. П. Иванов считает амляковые земли обособленными, не относящимися к государственной земле, и причисляет их, как и А. А. Семенов, к категории земель мильковых, считая их собственностью местной феодальной знати.

В этой связи следует еще остановиться на одной странной теории, весьма распространенной среди буржуазных историков-востоковедов. Суть этой теории состоит в том, что она решительно отвергает существование какой-либо земельной формы собственности в Бухарском ханстве. Исходным ее пунктом является мусульманская юридическая догма, согласно которой «вся земля принадлежит богу»[2].

Еще Л. Н. Соболев, опираясь на существование этой религиозной догмы, писал: «...Вообще права полной собственности, по мусульманскому закону, не существует. Ни государство, ни частные лица не имеют прав на землю, которые допускают безграничное распоряжение ею. В мусульманских законах существует право владения и пользования землею, ограниченное

[1] П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., АН СССР, Л., 1937, стр. 34.
[2] Д. Н. Логофет, цитированная работа, стр. 44.

известными условиями, необходимость которых объясняется климатическими особенностями края. Всякое право владения и пользования землею обусловлено законом обязательной обработки земли»[1].

Опираясь на средневековую религиозную догму шариата и игнорируя наличие действительных экономических отношений между людьми, буржуазные востоковеды, конечно, не могли разрешить сложного вопроса о землевладении в Бухарском ханстве. Во имя защиты интересов своего класса они искажали историческую действительность, замазывая факт реально существующих форм собственности на землю.

В противоположность упомянутым утверждениям буржуазных востоковедов, отрицающих существование земельной собственности в Бухарском ханстве, известное положение из введения к «К критике политической экономии» Маркса гласит: «... Ни о каком производстве, а стало быть ни о каком обществе, не может быть и речи там, где не существует никакой формы собственности»[2].

Это высказывание Маркса, безусловно, в такой же мере применимо в данном случае, как и в любом другом Задача состоит в том, чтобы определить, какой класс является фактически собственником земли — этого основного средства производства в Бухарском ханстве: являются ли амляковые земли собственностью господствующего класса — верховного собственника в лице эмира — или же собственностью непосредственных производителей-земледельцев.

Если Л. Н. Соболев, исходя из существования упомянутой религиозной догмы, отрицает существование земельной собственности в Бухарском ханстве вообще, то другие буржуазные писатели отрицают право собственности на землю за верховным собственником, называя его собственником лишь в «теории».

Один из выдающихся наших востоковедов, академик В. В. Бартольд, в отношении эрудиции оставляющий далеко позади любых заграничных исследователей, касаясь земельного вопроса в Бухарском ханстве, также допускает ошибку. Так, например, характеризуя амляковые земли, он пишет: «В ханстве, как и во всем мусульманском мире, издавна существовал институт свободных от податей частных владений (мильк-и-хурри-халис, часто сокращенно — мильк), пожалованных государем в награду за службу; русскими исследователями земли «мильк» противополагались землям «амляк», хотя второе слово — только множественное число от первого:

[1] Л. Н. Соболев, цитированная работа, стр. 315.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 177.

одно и то же слово в единственном числе означает исключительный, во множественном — обычный тип землевладения, т. е. землю, в теории считающуюся собственностью государства, но находящуюся в бессрочном и наследственном пользовании обрабатывающих ее землевладельцев, имеющих право продавать свои участки (иногда с некоторым ограничением этого права в пользу соседей), т. е. фактически распоряжающихся ими, как своею собственностью»[1].

Ошибочность толкования В. В. Бартольда заключается в том, что он неправильно переносит факт государственной земельной собственности в сферу «теории», ее действительным собственником считает самих земледельцев, подчеркивая, что участками государственной земли фактически распоряжаются земледельцы, как «своей собственностью». В этом вопросе А. А. Семенов разделяет мнение В. В. Бартольда, повторяя его ошибку относительно «теоретической» собственности эмира на землю. «Как и во всякой независимой мусульманской стране, доставшейся арабам по праву завоевания, в Бухаре теоретически верховное распоряжение землями принадлежит эмиру, как наместнику халифа»[2]. Итак, характеризуя амляковую землю как «теоретическую» категорию, В. В. Бартольд и А. А. Семенов практически рассматривают непосредственного производителя, сидевшего на амляковых землях, как нечто вроде алодиального собственника, не знавшего над собой какого-либо верховного собственника, — за деревьями они не видят леса.

Неизбежным следствием отрицания права земельной собственности за верховным собственником и признание такового за земледельцем явились категорические утверждения буржуазных востоковедов: Бухарское ханство «крупного землевладения не знает»[3], Бухарское ханство «состоит из мелких, даже чересчур мелких, раздробленных хозяйств»[4] и т. п. Понятно, что буржуазные востоковеды не были в состоянии объяснить причины отсутствия крупного землевладения и наличие мелких и раздробленных землевладельческих хозяйств в Бухарском ханстве.

Энгельс, касаясь земельного вопроса на Востоке, писал: «На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует самое слово «помещик»[5]. Это высказывание Энгельса вполне относимо и к

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 193.
[2] А. А. Семенов, цитированная работа, стр. 5.
[3] Д. Н. Логофет, цитированная работа, стр. 92.
[4] А. Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905, стр. 32.
[5] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 165.

Бухарскому ханству, где население действительно не знало слова «помещик». Это объясняется именно наличием в Бухарском ханстве государственной собственности на землю.

Следует отметить, что, в отличие от В. В. Бартольда, А. А. Семенов часто употребляет термин «владение», «частновладельческие»; при этом он не отдает себе отчета в том, о каком владении идет речь, если отсутствует субъект собственности, и собственность находится лишь в «теории». Какое вообще содержание вкладывает А. А. Семенов в понятие «владение», неясно. Не подлежит, однако, сомнению, что как В. В. Бартольд, так и А. А. Семенов, если не считать различий в терминологии, приходят к одному и тому же выводу. Оба они настоящим собственником амляковых земель считают непосредственных производителей и решительно отрицают наличие в Бухарском ханстве феодализма вообще и феодально-амляковой формы земельной собственности в частности.

Чтобы получить правильное представление об амляковой земельной форме собственности, вспомним известное положение Маркса, которым он характеризует особенности феодальной земельной собственности в Азии. «Государство здесь (в Азии. М. К.) верховный собственник земли, суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[1].

Маркс, являющийся самым глубоким и всесторонним знатоком земельного вопроса в Азии, с исчерпывающей четкостью отвечает здесь на вопрос о существовании в Азии верховного собственника земли в лице государства (подтверждением этого является, в частности, существование амляковой формы собственности в Бухарском ханстве). Действительным собственником земли Маркс считает государство, а за земледельцами, сидевшими на землях верховного собственника, признает лишь право владения и пользования этой землей и, таким образом, четко и ясно решает вопрос о том, кто, какой класс распоряжается средствами производства и какой класс лишен их.

В условиях Бухарского ханства верховная собственность на землю, т. е. амляковая форма собственности, не существует здесь как единственная, «концентрированная в национальном масштабе». Здесь амляковая форма собственности в связи с развитием товарно-денежных отношений претерпевала значительные изменения.

Наряду с амляковой формой собственности здесь существовала и независимая от государства частная собственность — собственность милькдаров, аналогичная по своему характеру европейской феодально-земельной собственности. Возникновение мильков, очевидно, является следствием начавшегося уже процесса разложения амляковой формы собственности.

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.

Собственность вообще как социально-экономическое явление не есть нечто, раз и навсегда данное, неизменное, она изменяется в зависимости от изменения формы производства. И. В. Сталин пишет: «...История показывает, что форма собственности находится в прямой зависимости от формы производства, вследствие чего с изменением формы производства рано или поздно неизбежно меняется и форма собственности»[1].

Амляковая форма земельной собственности является следствием своеобразия условий общественно-экономического развития народностей Бухарского ханства, которые обусловили и особенности развития феодальных отношений в стране. Можно считать установленным, что амляковая земельная форма собственности как одна из разновидностей феодальной собственности представляла собой определенный этап общественно-экономического развития народностей Бухарского ханства.

Как уже указывалось выше, в литературе долгое время господствовало ложное направление, вообще отрицающее наличие в Бухарском ханстве тех общественных и экономических отношений, которыми характеризовалась эпоха феодализма. В настоящее время признано наличие феодальных отношений в этой стране. Однако, несмотря на признание этого принципиального положения, все же и до сих пор тенденция связывать возникновение феодализма в Средней Азии вообще и амляковой формы земельной собственности в частности с завоеванием Средней Азии арабами еще не изжита окончательно.

Амляковые земли, как одна из форм феодального землевладения, существовали в Средней Азии, видимо, еще до завоевания ее арабами. На это, между прочим, косвенно указывает М. М. Ковалевский. Так, например, касаясь возникновения икта', он пишет, что «икта' возникло в пределах персидской монархии и зависимых от нее стран задолго еще до времени появления Магомета»[2]. Это высказывание М. М. Ковалевского в такой же мере относится и к Средней Азии. Существование икта' неразрывно связано с существованием амляковых земель, ибо пожалование в икта' не могло производиться иначе, как из фонда государственной земли. Следовательно, можно пола-

[1] И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 338—339.

[2] М. М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. I, М., 1879, стр. 126.

гать, что амляковые земли, как источник пожалований икта', существовали в Средней Азии до арабского нашествия.

«Каждое завоевание менее культурным народом прерывает, разумеется, экономическое развитие и уничтожает многочисленные производительные силы. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания, он ассимилируется завоеванными туземцами и большей частью усваивает даже их язык»[1].

Арабы, как и последующие завоеватели Средней Азии, в экономическом и культурном отношении стояли ниже народов Средней Азии,— сейчас в этом вопросе нет двух мнений среди историков-марксистов.

Следовательно, не в арабских нашествиях следует искать причины возникновения амляковых земель, а в самой экономической структуре общества на территории тогдашней Средней Азии. Амляковая форма землевладения не могла быть принесена арабами в Среднюю Азию готовой, сложившейся; наоборот, форма общественного устройства завоевателей должна была измениться сообразно уровню развития производительных сил завоеванной ими страны. Маркс и Энгельс, рассматривая в работе «Немецкая идеология» вопрос о происхождении западноевропейского феодализма, указывают, что «...принимаемая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам... феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм»[2].

Арабы, завоевавшие Среднюю Азию, в частности Бухару, имели дело уже с хозяйственно освоенными землями, располагавшими громадной системой искусственного орошения — системой каналов и других водных сооружений, являющихся основой земледелия страны. Арабов вовсе не интересовало проведение новых оросительных каналов, освоение новых земель: они этим отнюдь не занимались. Следовательно, не

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 165.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 64.

могли они изменить и существующего состояния производительных сил и соответствующей ему формы землевладения. Не были они в состоянии поэтому перестроить их по образу и подобию арабской формы общественности; наоборот, их форма общественности скорее изменилась сообразно существовавшему в Средней Азии уровню развития производительных сил. Наличие готовой уже амляковой формы землевладения давало арабским завоевателям возможность просто использовать эту форму, передавая захваченные ими у местных верховных собственников земли арабским наместникам или отдавая их на откуп местным сановникам.

В связи с завоеванием арабами Средней Азии чрезвычайно усилилась тяжесть экономического гнета, лежавшего на населении страны. Рента, взимаемая с местного населения, не ограничивалась уже рамками удовлетворения потребностей арабских наместников и местных сановников, она шла также в пользу багдадских халифов, их армии, военачальников и многочисленных чиновников.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что амляковая форма землевладения не есть явление случайное, оно возникло не из «мусульманского поземельного права»[1], не путем того, что «дарственная запись утратилась из государственного архива»[2], не из «втуне лежащих пустынных земель»[3], не из-за «нашествия арабов»[4]. Это явление — результат длительного исторического процесса общественно-экономического развития народностей Бухарского ханства.

[1] М. Н. Ростиславов, цитированная работа, стр. 331.
[1] Н. В. Ханыков, цитированная работа, стр. 118.
[3] А. А. Семенов, цитированная работа, стр. 25.
[4] История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, 1947, стр. 144.

Глава вторая

СУЩНОСТЬ АМЛЯКОВОЙ ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Амляковая форма земельной собственности могла возникнуть лишь после того, как первобытно-общинное хозяйство начало распадаться, уступая место развитию новых общественных отношений — отношений классового общества. «...весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»[1].

Господствующий класс осуществляет свои интересы сначала в форме рабовладельческого государства, а затем в форме государства феодального. Но дальнейшее развитие и упрочение феодальных отношений в условиях Средней Азии происходило не всецело на почве распада рабовладельческих отношений, как это было в античном мире. П. И. Лященко в этом отношении справедливо замечает, что «само рабовладельческое хозяйство не получило здесь такого глубокого значения»[2].

Это объясняется тем, что здесь и после возникновения классовых отношений сохраняется общинное владение землей, и лишь затем, с течением времени, на базе разложения последнего, возникает частное землевладение. Однако в том и другом случае распорядителем земли остается господствующий класс — верховный собственник, «... так как отдельный человек при этой форме собственности (при азиатской форме. **К. М.**) никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам—собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношений»[1].

При феодализме экономическое положение крестьянина, сидевшего на амляковой земле, было не лучше, чем положение обыкновенного раба. Крестьянин отличался от раба только тем, что имел свое личное хозяйство и обладал некоторой юридической свободой, т. е. был неполной собственностью верховного земельного собственника, что и является характерным для феодального общественного строя.

Однако наличие амляковой формы собственности как основы феодальной собственности на землю не исключало все же существования пережитков рабства. Вплоть до начала XX в. в Бухарском ханстве продолжалась торговля рабами. Рабы продавались и покупались, как товар, но использовались преимущественно в качестве воинов в рядах армии Бухарского феодального ханства или в качестве слуг в гаремах эмира и его чиновников. Труд таких рабов не находил широкого применения в сельскохозяйственном производстве, так как оно обслуживалось гораздо более выгодным трудом крестьян, положение которых, как сказано выше, мало отличалось от положения рабов.

Производственной основой амляковой формы землевладения является натуральное крестьянское хозяйство с подсобной домашней промышленностью. Основная сфера производства амляковой формы землевладения — поливное земледелие с примитивными орудиями труда. Амляковая форма землевладения появляется и развивается, конечно, не сама по себе, не на голом месте, а на базе развития производительных сил общества, на определенной исторической ступени их развития. Вода, орошение в климатических и почвенных условиях Бухарского ханства естественно представляли собою решающий материально-производственный фактор в земледельческом хозяйстве страны.

«Условия климата и почвы, — писал Маркс, — особенно огромные пространства пустыни, тянувшейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия»[2].

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ОГИЗ—Госполитиздат, 1948, стр. 185.

[2] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 130.

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 26.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, стр. 347.

Итак, земля без воды, без полива не имела в Бухарском ханстве ценности. Неорошенная земля — земля «мертвая», говорит народ; чтобы ее использовать, чтобы она могла стать средством производства, ее нужно «оживить» — оросить, полить. Когда здесь говорят о земле, то подразумевают землю поливную.

Однако земледелие в Бухарском ханстве осуществляется не просто путем использования готовых водных ресурсов; процесс обработки земли под посев включает еще огромные предварительные затраты труда на осуществление системы искусственного орошения: проведение каналов, устройство различных водных сооружений.

Буржуазные исследователи, касаясь вопроса относительного застоя общественной жизни в Средней Азии, обычно объясняют его маловодностью страны, т. е., иначе говоря, пытаются причины общественных явлений искать в чисто природных условиях. На самом же деле характер и размеры использования водных ресурсов зависят в первую очередь от уровня развития техники, от уровня развития орудий труда. Поэтому оросительная вода в условиях Бухарского ханства являлась, если так можно выразиться, продуктом труда. Только благодаря созданию искусственных оросительных каналов, оросительной сети, обусловленному определенным уровнем развития производительных сил, открывается перспектива водопользования, а следовательно, и перспектива все большего и большего освоения новых земель.

Нельзя представлять себе, как поступают некоторые исследователи, дело таким образом, будто ирригация и земледелие существуют обособленно друг от друга. Эти исследователи доходят даже до того, что квалифицируют труд в ирригации, как труд принудительный, барщинный, а труд земледельческий, как труд свободный, независимый. Это свидетельствует о полнейшем непонимании ими того, что процесс труда в земледелии есть продолжение и следствие процесса труда в ирригации, что производственная основа амляковой формы землевладения покоится именно на единстве этих двух процессов, что развитие сельского хозяйства в условиях Бухарского ханства немыслимо без проведения и расширения ирригационных каналов, и наоборот.

Если рассматривать земледелие, как основное занятие населения Бухарского ханства, как основную сферу добывания им материальных благ, то станет понятным значение развития здесь искусственного орошения. Главным образом в развитии искусственного орошения и проявляется здесь уровень развития сельскохозяйственного производства; именно искусственное орошение создало в условиях Бухарского оазиса ту

могущественную концентрацию сельскохозяйственной культуры, которая послужила материальным базисом для всего дальнейшего развития страны, сделала возможным, в более или менее крупном масштабе, разделение труда между земледелием и промышленностью и, таким образом, обусловила развитие тогдашней культуры.

При отсутствии системы ирригации, и, следовательно, развития сельскохозяйственной культуры вообще, вся эта территория была бы пустыней, по которой бы бродили кочевые орды со своими многочисленными стадами овец, лошадей и верблюдов.

«Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности»[1]. Ирригационные сооружения являются в Средней Азии неотъемлемой составной частью производительных сил страны. Развитие производительных сил, прежде всего рост и совершенствование ирригационных сооружений, обусловленное развитием общей культуры и техники ирригации, лежит здесь в основе самого процесса производства материальных благ. Данному характеру производительных сил и данному направлению их развития соответствуют феодальные производственные отношения.

Ирригация, входя в качестве одного из решающих факторов в состав производительных сил страны, придает этим последним специфический характер. На базе этой специфики производительных сил, на известной ступени развития их, возникают также и своеобразные производственные отношения, основу которых составляет так называемая амляковая форма феодальной земельной собственности.

К производственным, экономическим отношениям людей относятся, как указывал И. В. Сталин, «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью», в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов»[2]. Следовательно, форма собственности на средства производства является основой производственных отношений людей.

В феодальном ханстве феодал осуществляет свое отношение к непосредственным производителям — крестьянам через

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 517.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 73.

свое отношение к земле и воде, т. е. благодаря своему праву собственности на землю и воду, следовательно, производственные отношения есть отношения собственников условий производства к непосредственным производителям.

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной степени развития способа труда, а поэтому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»[1].

С предельной четкостью эту связь собственности на средства производства с общей структурой производственных отношений охарактеризовал И. В. Сталин: «Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся средства производства..., в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества, или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплоатации других лиц, групп, классов»[2].

Производственные, экономические отношения феодального Бухарского ханства представляют собою отношения двух антагонистических классов в процессе производства. Здесь имеется, с одной стороны, класс многочисленных феодалов-чиновников — монопольных собственников важнейших условий труда — воды и земли, с другой — непосредственные производители, которые являются лишь «владельцами», пользователями этих условий труда и ведут самостоятельно свое хозяйство.

Такой специфический способ соединения рабочей силы со средствами производства и вытекающие из него отношения

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, 1947, стр. 554.

эксплуатации составляли экономический базис феодального общества в Бухарском ханстве.

Амляковая форма земельной собственности, составляющая основу экономических отношений Бухарского ханства, отнюдь не является какой-либо особой формой феодальной собственности; она представляет собою только разновидность этой последней. Она отличается от всякой другой феодальной собственности лишь тем, что здесь собственниками условий производства являются не отдельные феодалы, а мощное централизованное в государственном масштабе объединение феодалов во главе с эмиром. Такая централизация феодалов в ханстве по необходимости вытекает из особенностей условий самого процесса производства. Здесь процесс труда непосредственных производителей, эксплуатируемых собственником условий производства, совершается не только в сфере сельскохозяйственного производства, но и в процессе строительства огромных ирригационных каналов и сооружений.

Проведение ирригационных каналов, строительство водных сооружений повелительно требовали мобилизации труда в массовом масштабе, необходимой организации и расстановки рабочей силы, что могло быть осуществлено в условиях феодального Бухарского ханства лишь путем жестокого насильственного удержания эксплуатируемых масс в подчинении. Само собой разумеется, что выполнение этого было не по плечу отдельному феодалу. Вот почему здесь «ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, ...представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства»[1]. «... Эта элементарная необходимость экономического и совместного использования воды... на Востоке... повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ»[2].

Таким образом, организация труда, связанная с процессом проведения оросительных каналов, постройки различных водных сооружений, сопровождавшаяся жестокой эксплуатацией трудящихся, могла быть осуществлена феодалами только в силу наличия у них достаточно централизованной организации. В свою очередь материально-производственная база, созданная трудом непосредственных производителей, служила дальнейшему расширению и укреплению такой феодальной организации и естественно привела к расширению сферы амля-

[1] К. Маркс, Формы предшествующие капиталистическому производству, Политиздат, при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 7.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 348.

ковой формы земельной собственности — собственности класса феодалов, объединенных в государство.

На вопрос, что такое государство, Ленин отвечал: «Это организация господствующего класса»[1]. В Бухарском феодальном государстве, где господствующий класс был организован именно как класс, сила и мощь этого класса во многом зависела от мероприятий высшего представителя этого класса — хана, направленных к расширению и охранению искусственных оросительных каналов и сооружений.

Касаясь вопроса об ирригационных работах в Азии, Маркс пишет: «Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными ... в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды»[2].

Урожай в Бухарском ханстве находился «в зависимости от хорошего или дурного правительства», потому что здесь собственником земли являлось государство, а размеры получаемого им прибавочного продукта зависели от расширения или сужения сферы орошаемых амляковых земель.

Каждый прорытый канал в Бухарском ханстве сопровождался орошением и освоением новых земель, раздаваемых затем ханами во «владение» и пользование населению. Освоение новой земли, связанное с орошением, служило дальнейшему расширению массивов амляковой земли и, следовательно, увеличению доходов класса феодалов.

В связи с проведением ирригационных каналов немалую роль играло распределение водных ресурсов. Правильное распределение воды в Бухарском ханстве представляло собою первое условие правильного распределения самого земельного богатства. Самый значительный труд, употребленный на возделывание земли, не приносил никакого результата, если не было обеспечено надлежащее орошение.

Дело орошения требовало кропотливой работы и многовекового опыта. А. П. Хорошихин пишет: «Необыкновенно много ума и опыта проглядывает в уменье здешних землевладельцев

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 331.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., IX, стр. 338.

проводить арыки, в уменье пользоваться без всяких попыток нивелирования самыми незначительными отклонениями поверхности от общего уровня, в уменье направлять воду так, что, глядя на иной арык, вам кажется, что вас обманывает глаз: вода идет почти в гору».[1]

Собственность на воду и на ирригационную систему служила в руках господствующего класса орудием порабощения непосредственных производителей-землевладельцев. За неповиновение отдельного хозяйства или целого кишлака бек часто лишал их возможности пользоваться водой. Так, например, И. Л. Яворский пишет: «...Верстах в 20 от Ширабада, по дороге на Чушка-уюзар, в несчастном кишлаке был назначен нам ночлег. Неподалеку от него возвышались развалины крепости, городских стен и жалкие остатки домов. Я обозвал этот кишлак несчастным недаром. Если верить сообщениям туземцев, — а почему же бы им и не верить, — то эта деревушка пользуется водой из Ширабад-Дарьи, но вода отпускается для нее всего один раз в три года! Из трех лет в продолжении двух она не получает ни капли воды из Ширабад-Дарьи (удаленной от нее верст на 15). Подобное распоряжение со стороны бухарской администрации вызвано будто бы каким-то проступком жителей этого и еще двух других, соседних кишлаков. Странное и вместе с тем страшное наказание!»[2].

Орошение, являющееся важнейшим жизненным условием существования народов Бухарского ханства, служило, таким образом, средством не улучшения материального благосостояния трудящихся, а наоборот, средством угнетения и порабощения их. Распоряжения бухарской администрации, подобные упоминаемому И. Л. Яворским, являлись не только осуществлением ее политической власти, но и выражением «непосредственных отношений собственников условий производства к непосредственным производителям».

«Система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства», впоследствии неизбежно приводила к зависимости самих непосредственных производителей от этого «центрального правительства», т. е. к формированию амляковой формы феодальной земельной собственности.

Мы говорили о действительных источниках возникновения амляковой земельной собственности, потому что в исторической и историко-востоковедческой литературе понятие амляковой земельной собственности представлялось в искаженном виде. Право собственности признавалось за непосредственным про-

[1] А. П. Хорошихин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр.159.
[2] И. Л. Яворский, Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. I, СПб., 1882, стр. 89.

изводителем, сидевшим на амляковых землях — и только за ним, а Бухарское ханство представлялось лишь государственной политической организацией, облагающей частного собственника налогом. Такое представление создалось потому, что многие из востоковедов не поняли специфики Бухарского государства, являвшегося государством «земельного собственника и вместе с тем суверена»[1], где амляковая земельная собственность представляет собою коллективную в государственном масштабе феодальную собственность амальдаров на земли, предоставляемые отдельным лицам — непосредственным производителям — лишь на право владения и пользования.

«В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение»[2].

Социальная структура Бухарского ханства отличается от социальной структуры стран Западной Европы. В Западной Европе осуществление права собственности на землю со стороны класса феодалов было неразрывно связано с иерархической структурой земельной собственности—ленной системой с ее многочисленными вассалами, субвассалами, — и «вместе с нею, на ее основе давало дворянству власть над крепостными»[3].

Прибавочный продукт труда непосредственных производителей — крепостных присваивался здесь каждым отдельным, ближайшим к ним по иерархической лестнице феодалом, поступая в его личное распоряжение, и затем уже часть этого прибавочного продукта выделялась самим феодалом и направлялась им на удовлетворение общих интересов господствующего класса в форме выполнения повинности самого феодала перед ближайшим сеньором.

В Бухарском ханстве, в связи с его ирригационным хозяйством, как мы уже указывали, класс феодалов объединился в крупное территориальное, государственное образование во главе с деспотическим правителем — эмиром. Здесь «мы имеем тип азиатской деспотии, где политическое государство есть не что иное, как частный произвол одного единственного индивидуума, или где политическое государство наравне с материальным есть раб»[4]. В лице эмира персонифицировалось единство феодального общества Бухары, а коллективная собственность класса феодалов на амляковую землю выступала в форме верховной собственности на нее эмира.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.
[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 7.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 557.

Таким образом, класс феодалов, составлявший государственный аппарат во главе с эмиром, коллективно эксплуатировал здесь непосредственных производителей. В лице одного и того же человека мы видим здесь феодала и чиновника, он является не только винтиком аппарата насилия, но и лицом, присваивающим долю общего прибавочного труда непосредственных производителей.

Прибавочный продукт крестьян присваивался классом феодалов не самостоятельно, а посредством эмира (в системе танхо), или от имени эмира (продукт в натуре), причем право присвоения зависело от занимаемой должности, чина и звания феодалов, т. е. было неразрывно связано с самой иерархической структурой государственной власти.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм — политическая форма средневековых отношений производства и обмена»[1]. Иерархическая структура Бухарского феодального ханства была обусловлена необходимостью закрепить и охранить монопольную собственность класса феодалов на амляковую землю и осуществлять внеэкономическое принуждение по отношению к крестьянам, сидевшим на этой земле.

В своей статье «Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях носителей их в средневековой Бухаре»[2] А. А. Семенов дает подробную картину этой иерархической системы. Система эта существовала до последних дней Бухарского ханства; А. А. Семеновым показана сословность этой системы, являющаяся одной из характерных черт феодализма, сущность которого в Бухарском ханстве остается для самого А. А. Семенова неясной.

Одновременно, как носитель политической власти в Бухарском ханстве, класс феодалов принимал непосредственное участие в военно-политической защите феодально-амляковой собственности; наличие аппарата насилия и подавления эксплуатируемого класса сочеталось здесь с монопольной собственностью феодалов на землю и воду, внеэкономическое принуждение сочеталось с экономическим. В этом и заключается характерная особенность феодализма Бухарского ханства, являвшегося «ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 157.
[2] Советское востоковедение, V, АН СССР, 1948, стр. 137.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

Глава третья

О ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ АМЛЯКОВОЙ ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Теперь мы рассмотрим амляковую форму земельной собственности в аспекте ее исторического развития. Амляковая форма земельной собственности, возникшая на базе развития производительных сил, прежде всего оросительных каналов, в свою очередь связана с возникновением классов, классовой борьбой и, в дальнейшем, образованием Бухарского феодального государства.

Начало политического формирования Бухарского ханства относится к самым ранним этапам феодальной эпохи; тем не менее феодальная раздробленность здесь сохранилась до последних дней существования Бухарского ханства.

Вполне понятно, что основным экономическим условием существования такой раздробленности являлось господство в стране отношений натурального хозяйства, слабое развитие разделения труда, при котором «домашний ремесленный и мануфактурный труд, как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство...»[1].

Однако подобная феодальная раздробленность, как показывают исторические примеры, не исключает возможности, при благоприятных условиях, возникновения сильных феодальных государств.

Характеризуя такого рода государства в связи с вопросом об образовании наций, И. В. Сталин пишет: «Великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Но это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»[2].

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 799.
[2] И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

Это высказывание И. В. Сталина в такой же мере относится и к периодам образования государств саманидов и тимуридов. Само собой разумеется, что образование великих государств, состоявших из разных племен, не могло в условиях орошаемого земледелия произойти иначе, как на базе уже существующей системы искусственного орошения распорядителем которой являлась племенная знать. Следовательно, амляковая форма земельной собственности в зачаточном виде уже имела место в каждом отдельном союзе племен.

Однако упрочиться она могла лишь после объединения этих племен в государство, возглавляемое одним человеком—эмиром. Вот почему эмир Тимур, присвоив себе в качестве верховного собственника существовавшие отдельные амляковые земли, ранее находившиеся в распоряжении племенной знати, мог затем эти земли жаловать в качестве суюргал своим военачальникам.

В дальнейшем, в ходе исторического развития, сфера амляковой формы собственности то расширяется, то суживается в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Образование великих разноплеменных государств Средней Азии, повлекшее за собой образование амляковой земли, хотя и благоприятствовало, до известной степени, росту городов, проведению крупных оросительных каналов и расширению торговли и ремесла, не привело, однако, к общности экономической жизни, не изменило сколько-нибудь заметно основы экономического строя тогдашнего общества. «Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»[1].

Земледельческая техника попрежнему остается примитивной. Положение крестьян в связи со все большим развитием феодальных отношений становится невыносимо тяжелым.

В этот период уже начинается процесс отделения города от деревни, который, по словам Маркса, является «основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем обмена товаров...»[2].

Процесс этот, несмотря на образование великих государств, не находит, конечно, полного осуществления, возникшие города не становятся экономическими центрами страны, не обладают силой, достаточной для того, чтобы подчинить себе сельское хозяйство и кочевые скотоводческие племена, разрушить натуральнохозяйственные отношения в деревне; иначе говоря, уровень развития производительных сил не перерастает

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952; стр. 366.
[2] Там же, стр. 360.

еще уровня развития тех производственных отношений, которые характеризовали эту эпоху, и город попрежнему остается городом феодальным.

Понятно, что феодальное государство при господстве натуральной формы хозяйства в стране не было гарантировано от возникновения в нем внутренней междоусобной борьбы, от нападения внешних врагов и ханов-кочевников.

После временного подъема в эпоху Тимура в Средней Азии начинается, как известно, хозяйственно-культурный упадок. Предпосылки такого упадка заключались в самой экономической структуре тогдашнего общества. Узость материально-производственной базы страны, обусловленная тогдашним уровнем развития производительных сил, и связанное с ней господство натуральной формы хозяйства, конечно, не могли стать прочной и постоянной опорой империи Тимура.

После смерти Тимура его империя распадается, вся тяжесть феодальной системы эксплуатации, связанная с чрезвычайно выросшим за период расцвета империи Тимура числом феодалов, ложится теперь на плечи местного сельского населения. Низкая производительность труда, высокая норма ренты, выколачиваемой феодалами — носителями политической власти, приводят к массовому разорению крестьянства и хозяйственному упадку страны.

Феодальный распад, переживавшийся в то время ханством и приведший к образованию своеобразной «удельной системы», непрерывная междоусобная борьба феодалов явились факторами, усугубившими тяжесть экономического положения крестьян, которых феодалы использовали в своих междоусобных войнах.

Господствующую силу общества в Бухарском ханстве составлял класс феодалов в лице родовой знати, интересы которой были ограничены пределами рода. В основе междоусобной борьбы феодалов как раз и лежали интересы родовой знати, стремившейся освободить себя от повинностей перед государством, стать полновластной на своей родовой территории, возвратить ранее принадлежавшие ей амляковые земли, захватить в свои руки распределение воды и в результате всего этого безраздельно распоряжаться взимаемой с членов своего рода рентой.

Феодальные междоусобицы осложнялись еще борьбой между кочевыми и оседлыми феодалами внутри Бухарского ханства, столкновениями между племенами и, наконец, постоянными войнами Бухарского и Хивинского ханств друг с другом и со своими соседями. Академик В. В. Бартольд пишет: «Вражда между соседними и могущественными родами иногда переходила из поколения в поколение и наносила существенный вред благосостоянию страны; особенным упорством отличалась вражда между мангитами в Карши и кенегессами в Шахрисябзе. Многие из таких хакимов или «беков» фактически не подчинялись ни хану, ни аталыку, кроме того, казаки воспользовались смутным временем для своих набегов. Из всех городов Туркестана более всего пострадал от смут XVIII века Самарканд. Когда в 1722 г. Ибрагим-бий, главарь кенегессов, восстал против Абу-л-файз-хана и выставил другого претендента на ханский престол, Раджаба из «туранских», т. е. вероятно казацких султанов, казаки присоединились к войску претендентов, приняли участие в борьбе с бухарским правительством и под этим предлогом грабили страну. Бывшая столица Тимура совершенно опустела; в 1740 г., во время похода Надир-шаха, в Самарканде совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств»[1].

Война в условиях орошаемого земледелия являлась необычной войной; она сопровождалась огромным разрушением производительных сил. Прежде всего разрушениями оросительных каналов и сооружений, составлявших необходимейшее жизненное условие существования населения: «... одна разрушительная война, — пишет К. Маркс, — оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации»[2].

Война, связанная с разрушением оросительных каналов и сооружений, действительно впоследствии приводила к опустошению целых городов, районов и областей. Так, например, И. Л. Яворский пишет: «Верст за 35 до Карши нам пришлось проехать обширными развалинами существовавшего здесь когда-то города Чим. Исполинские арыки (оросительные каналы), полузасыпанные в настоящее время илом и песком, сетью расходятся на многие версты, огромные насыпи, по всей вероятности остатки бывших городских валов, охватывают значительное пространство степей, на многих квадратных верстах рассеяны развалины домов; во многих местах выдаются из всей этой кучи вершины курганов. Все это свидетельствует, что здесь прежде кипела деятельная жизнь многолюдного населения. В настоящее время от громадного города остался лишь жалкий кишлак»[3].

Таким образом, длительное, почти в одной и той же форме, существование государственного строя Бухарского ханства было обусловлено неизменностью его экономической структуры. Она же, в свою очередь обьясняется в значительной

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 99.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. IX, стр. 360.

[3] И. Л. Яворский, цитированная работа, стр. 42.

мере периодическими разрушительными войнами, которые, как показано выше, приводили в условиях орошаемого земледелия к нарушению нормального хода экономического развития страны, обрекая ее на многовековое экономически застойное состояние. Новые социальные силы, сформировавшиеся внутри самого ханства и способные перевести его на другую ступень развития, по той же причине были совершенно парализованы.

Таким образом, непрерывные войны, в особенности же опустошительные нашествия кочевых ханов Востока, не только приносили разорение хозяйству целых племен и народностей, но и препятствовали созданию единой амляковой собственности феодалов — созданию прочных государственных объединений для борьбы с этими нашествиями.

В первой половине XVIII в. разрушение и разорение страны достигало высшей своей точки, хозяйственная и культурная жизнь страны была полностью парализована. Особенно сильным опустошениям подвергалась долина Зеравшана, ее самая богатая часть — район Миан-каля. «В течение целых семи лет казахи производили опустошения по всей Зеравшанской долине, не встречая никакого отпора. Их скот вытаптывал поля, сады и огороды оседлого населения. Цветущие местности превращались в пустыни. Сбор хлебов, овощей и фруктов сократился до последней степени; во всем давала себя чувствовать дороговизна. Жители бежали в более безопасные местности, многие или погибли в пути от голода, или попадали в плен к казахам. Богатые и цветущие районы были опустошены до конца»[1].

Слабость ханской власти была обусловлена тем, что хан лишился самого важного в экономическом отношении района—долины Зеравшана. Размеры подвластной ему территории сильно сократились. Естественно, что эти обстоятельства связали всю экономическую жизнь Бухарского ханства с Кашка-Дарьинской областью. Центр экономической жизни страны после захвата казахами Зеравшанской долины переносится в Кашка-Дарью, источником снабжения Бухарского ханства становится Карши, и в связи с этим поднимается хозяйственно-политическое значение Кашка-Дарьи, особенно самого города Карши; на арене политической борьбы появляются представители наиболее могущественного рода — мангиты, жившие в этой долине, «превосходившие численностью другие роды и вместе с тем бывшие привилегированным узбекским родом»[1], из которого впоследствии произошли бухарские ханы

[1] История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, 1947, стр. 147.

и представители которого занимали высшие должности в стране.

Таким образом, смена династии аштарханидов династией мангитов — явление не случайное. Нельзя искать причины ее в личных отрицательных качествах аштарханидского хана Абул-л-Файз-хана или в завоевании страны Надир-шахом. В действительности она может быть объяснена лишь изменившимся экономическим положением страны. Перемещение центра экономической жизни из Зеравшанской долины в долину Кашка-Дарьи подготовило материальную базу для захвата мангитами Бухарского ханства.

Во второй половине XVIII в. начинается оживление хозяйственно-культурной жизни Бухарского ханства. В Самаркандском вилайете, управляемом Шах-Мурадом (1785—1800), восстанавливается ряд старых и проводится ряд новых крупных оросительных каналов и сооружений. Восстанавливается г. Самарканд, проводится заселение его жителями разных районов. В городе постепенно развивается торговля, ремесла. В связи с оросительными работами, организуемыми Шах-Мурадом, узбекские кочевники, оставив свой прежний образ жизни, в массовом порядке переходят к оседлой жизни. Для этого в первую очередь они использовали земли, покинутые прежними владельцами в предшествующий период «смут».

Родовое деление узбекских кочевых племен сохраняется и в оседлых земледельческих поселениях. Используя свое прежнее право распоряжаться пастбищами и выступая теперь в роли организаторов оросительных работ, узбекские родовые старшины держали в экономической зависимости массу рядовых членов рода и постепенно превращались в феодальную знать. Наряду с этим в ханстве происходил процесс слияния этой узбекской феодальной знати с местной феодальной верхушкой. Узбекская феодальная знать постепенно переходит на службу к эмиру, а ее земли превращаются в амляковые.

Таким образом, восстановление и расширение оросительных каналов в Самаркандском вилайете, сопровождавшееся развитием всего его хозяйства, послужило тем фактором, на базе которого развивалась в последующий период амляковая форма земельной собственности.

В первой половине XIX в., по мере роста производительных сил в стране, происходит постепенная ликвидация феодальной раздробленности и укрепление центральной власти, а вместе с тем — расширение сферы амляковой формы земельной собственности. В основе этих процессов лежало, прежде

[1] В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Ташкент, 1928, стр. 22.

всего, как мы выше отметили, восстановление и развитие оросительных систем, обусловившее собой развитие сельского хозяйства долины Зеравшана и связанный с ним рост столицы ханства — Бухары, приобретшей впоследствии большое политическое и экономическое значение в стране.

Когда и каким народом была основана Бухара, пока не установлено. Во всяком случае, Бухара считается одним из древнейших городов не только Средней Азии, но и всего Востока. По археологическим данным в древности весь Бухарский оазис был окружен стеной протяжением около 250 *км*. Современная Бухара расположена на холме, возвышающемся на 13 *м* над равниной, и занимает площадь в несколько квадратных километров. По мнению одного автора, холм этот не естественного происхождения, а образовался в течение многих веков в результате разрушений, которым Бухара подвергалась на протяжении своего исторического существования. «Наблюдения показывают, что в течение одного десятилетия может накапливаться слой в 5 сантиметров. Таким образом, возраст Бухары — около 2600 лет»[1].

Маркс, касаясь вопроса об образовании городов в Азии, пишет: «Города в собственном смысле слова образуются здесь наряду с ... селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли»[2]. Бухара, действительно, занимает место, благоприятное для развития внешней торговли: на запад от нее расположены Мерв, Чарджуй и пути на Кавказ, в Малую Азию и Европу; на северо-запад — Хорезм, Россия; на восток — Фергана, Кашгар и пути в Китай; на юг — пути в Афганистан и Индию. Поэтому ее торговое, а вместе с тем и политическое значение начинает быстро расти.

Еще в X в. Бухара стала центром политической жизни государства саманидов; вместе с тем она сделалась также центром феодальной культуры того времени. Город строился, благоустраивался. Немало заботы о благоустройстве Бухары проявил Абдулла-хан (1557—1598). Во время его царствования в Бухаре были сооружены оросительные каналы, построены медрессе, караван-сарай, баня и рынок, увеличились торговые связи с внешним рынком. Здания, построенные в Бухаре в период правления Абдуллы-хана, сохранились до сего времени.

Первая половина XIX в. характерна для истории Бухарского ханства тем, что в связи с ростом общественного разделения труда, дальнейшим отделением города от деревни, разви-

[1] «Возраст города Бухары», Наука и техника, 6, 1937, стр. 12.

[2] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 7.

тием городского ремесла расширяются оживленные торговые сношения, в центре которых находится Бухара. Объективные условия развития новых экономических отношений, растущие в связи с ростом внутренней и внешней торговли аппетиты феодального эксплуататорского класса настоятельно требуют ликвидации политической и экономической раздробленности. Выразителем этих интересов в данный период оказывается эмир Насрулла (1826—1860).

В период его царствования усиливается тенденция к объединению разобщенных туманов, вилайетов, к созданию единого центрального государственного аппарата и образованию служилых сословий, подчиненных центральной власти. Формирование служилых сословий (так называемых мансабдаров или амальдаров) под эгидой центральной государственной власти сопровождается изменением формы землевладения; вместо прежнего раздробленного землевладения образуется амляковая форма собственности — собственности феодалов-амальдаров, объединенных в государстве.

Как мы уже указывали, процесс формирования амляковой формы земельной собственности как преобладающей в Бухарском ханстве формы земельной собственности, неоднократно нарушался в результате многочисленных войн и набегов. Фактически этот процесс, процесс расширения сферы амляковой формы земельной собственности, начался при Шах-Мураде и продолжался при эмире Хайдаре, главным же образом протекал в период правления эмира Насруллы.

Как отмечено выше, процесс этот был тесно связан с восстановлением и развитием ирригационной системы, с процессом ликвидации феодальной раздробленности и образования центрального государства; этот же последний, в свою очередь, приводил к образованию феодально-служилого класса — амальдаров, объединивших все те элементы родовой знати, которые были прежде на своей территории независимыми или полузависимыми. Сюда вошли и прежние «удельные беки», потерявшие свою независимость после укрепления власти центрального правительства, и высшая феодальная знать, покоренная эмиром, и привилегированные сословия сейидского происхождения[1], и многие другие.

[1] Характеризуя кастовость сейидов, В. В. Бартольд пишет: «Честь быть сейидом ценилась так высоко, и ходжи так мало были склонны допускать в свое сословие, путем таких браков, посторонних лиц, что в XIX веке даже государям приходилось насильно брать себе в жены девушек из ходжи, чтобы будущие государи могли назвать себя «сейидами». Таково происхождение этого титула, который носили в XIX веке многие государи во всех трех ханствах этого времени—Бухарском, Хивинском и вновь образовавшемся Кокандском» (В. В. Бартольд, «История культурной жизни Туркестана», Л., 1927, стр. 192).

Для характеристики того, каким образом протекал процесс превращения феодально-вотчинной знати в феодально-служилое сословие — класс амальдаров, приведем одно из писем эмира Насруллы к Мухаммед-бий-кул кушбеги: «Даниял диван-беги посылал нам через Охунд Муллу Рахима, Нур-Мухаммед-бия, Ишназар-таксабо и Абдул-Рахим мирахура рабское заявление, где говорится, что он согласен разрушить Чиракчи, пусть его величество назначит амлякдара и собирает хераджа, что он пошлет своего сына вместе со своими аксакалами к нам на службу. Однако просит нас, помиловав его, назначить аталыком. Мы вместе с доброжелателями двора, посоветовавшись, решили, что, во-первых, пусть он разрушит Чиракчи и пошлет сына со своими аксакалами на службу, а затем ярлык аталыка возьмет с собой по-доброму из благородной Бухары».

Из других документов видно, что в это время крепость Чиракчи была окружена войсками эмира Насруллы, который под угрозой уничтожения находившегося там отряда заставил самого Даниял диван-беги согласиться на продиктованные эмиром условия, а именно: «разрушить крепость Чиракчи, передать сбор хараджа этого вилайета эмиру и притти со своим сыном и свитой на службу к эмиру». Таким образом, эмир Насрулла огнем и мечом принуждал различные сословия феодальной аристократии объединиться с центральным государством.

Нельзя, конечно, преувеличивать значение центральной государственной власти в тогдашнем Бухарском ханстве. Развитие мелкотоварного производства само по себе еще не затрагивает устоев замкнутого натурального хозяйства, являющегося основой феодальной раздробленности страны.

Во время правления эмира Насруллы и в последующий период «родовитость» попрежнему являлась решающим фактором для определения места и порядка прохождения государственной службы, для получения тем или другим лицом чина. В. Л. Вяткин пишет: «Знатные люди сразу награждались большими чинами. Так, Хаким-бий, не имея никаких чинов, сразу получил высший чин парваначи, а Давлет-бий — инака. При этом должности вовсе не были связаны с чинами. Известен случай, что в войске старшие чины иногда служили под командой младших... Чаще всего производство шло в таком порядке: караул-беги, мирахур, токсаба, дадха-инак, парваначи, диван-беги. Но иногда караул-беги производились в джебачи, а последние в мирахуры, а в качестве первого чина считались чухра-акасы. Все эти должности считались командными, за исключением диван-беги. Конечно, каждый, имея тот или иной из этих чинов, оставлял военную службу и, переходя на гражданскую или уходя вовсе со службы, продолжал титуловаться последним выслуженным им чином»[1].

Тем не менее все чины от самых высших до низших были обязаны личной службой эмиру как выразителю интересов всех слоев феодально-амальдарского класса. Эмир должен был вознаграждать, оплачивать и содержать всех этих лиц, притом сообразно их чину и должности.

В руках Бухарского эмира не было финансовых средств, которые позволили бы оплачивать деньгами весь этот чиновничий аппарат и армию. Единственным источником такой оплаты являлась для эмира амляковая земля или продукты амляковой земли в натуре. Именно таким путем и расплачивался эмир со своим аппаратом управления, раздавая амляковую землю феодально-служилым людям в условное владение — танхо или вознаграждая их за несение службы сельскохозяйственной продукцией в натуре. Об этом свидетельствует масса документов, хранящихся в архиве кушбеги и в Институте востоковедения АН УзССР.

При поверхностном рассмотрении вопроса о вознаграждении эмиром своих служилых людей кажется, что вознаграждение это существовало в двух различных формах: пожалования амляковой земли в танхо и раздачи продуктов в натуре. На самом же деле вторая форма является, по существу, видоизменением первой, будучи осуществляема лишь несколько иными способами, хотя, впрочем, последствия дальнейшего развития этих двух способов оплаты, как мы увидим ниже, оказываются различными.

Таким образом, эмир бухарский, создавая центральный государственный аппарат и армию, мог рассчитывать лишь на единственную находящуюся в его распоряжении материальную базу — амляковые земли и получаемую с них ренту.

В процессе политического и отчасти хозяйственного объединения страны и образования феодально-амальдарского класса феодальная знать и удельные беки в значительной мере сходят уже с политической и хозяйственной арены. Их земли — основная их хозяйственная опора — превращаются в земли амляковые. Но если часть феодалов оказалась побежденной и на политическом и на хозяйственном фронте, то феодально-амальдарский класс в целом, приспосабливаясь к новым условиям и сплачиваясь вокруг своего верховного представителя — эмира, становится господствующим классом в стране. Победа остается в руках того же феодального эксплуататорского класса, но уже объединенного единой, центральной властью.

---

[1] В. Л. Вяткин, цитированная работа, стр. 19—20.

Это, однако, не означает полной ликвидации существующей в стране раздробленной феодальной собственности и удельных бекств. Эмир Насрулла, хотя и сильнейшим образом подорвал политическую независимость и экономическую власть феодальной знати, не мог все же уничтожить ее окончательно. После смерти эмира Насруллы феодальная знать пытается вновь начать борьбу против центральной власти. Однако попытка ее потерпела поражение.

Глава четвертая

АМЛЯКОВАЯ ФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БУХАРСКОГО ХАНСТВА

При выяснении генезиса амляковой ренты нам прежде всего следует остановиться на характеристике тех амальдаров, которые непосредственно были связаны с производителями и в лице которых амляковая форма собственности непосредственно реализовалась в ренте.

Как известно, глава ханства — эмир формально обладал неограниченной политической властью. Юридически ему принадлежало право на жизнь, смерть и имущество его подданных. Личность эмира была окружена амальдарами глубочайшим почтением. Все амальдары, от высшего до низшего, называли себя рабами своего господина—эмира, от каприза которого зависели получаемые ими чины и доходы.

Фактически же многие эмиры были далеки от повседневной жизни страны и не проявляли к ней почти никакого интереса. Один путешественник, побывавший в Бухаре в 1820 г., следующим образом характеризует образ жизни эмира: «Хан — эмир... ведет жизнь эпикурейскую и подобную всем вообще азиатским владельцам. Он более употребляет времени на удовлетворение своих страстей в кругу своих жен и наложниц, коих будет несколько десятков, нежели на устроение и попечение своих подданных».[1]

Правители вилайетов аккуратно вносили в ханскую казну установленную сумму из сборов хараджа, посылали эмиру известное количество «подарков», и он не находил нужным беспокоить себя вмешательством в местные дела или контролем местной администрации. Поэтому власть беков на местах во многих отношениях оставалась бесконтрольной и неограниченной.

---

[1] Бурдин, Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца), б. м., 1920, стр. 37.

Маркс, характеризуя восточный деспотизм, писал: «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанности что-либо делать и избавляют от хлопот регулярного управления».[1]

Эта характеристика Маркса вполне применима и к Бухарскому ханству.

Все Бухарское ханство подразделялось на бекства, во главе которых стояли б е к и, ставленники самого эмира. Беки выполняли функции административные, судебные, полицейские, финансовые, словом, бек был почти неограниченный властелин в том вилайете, которым он управлял.

И. Л. Яворский, сопоставляя бухарского бека с допетровскими боярами, пишет: «Бек такой же безответный холоп перед эмиром и такой же всесильный полубог на своем «володении», как бывший русский боярин. Та же замкнутость замечается и здесь; та же жизнь в кругу своей дворовой челяди; та же боярская спесь и лень выражаются в каждой черте бека; та же важность и степенность во внешнем виде и то же слепое превозношение всего своего перед иностранным».[2]

Участники русской экспедиции в Бухару в 1841 г. следующим образом характеризуют положение беков в Бухарском ханстве: «Они друг от друга не зависят, а каждый со своими делами относится прямо к хану. Бек Самаркандский почитается только потому старшим, что заведует и бóльшим народонаселением и бóльшим пространством земли, но он не имеет никакого влияния на владения других беков... Во время войны по приказанию хана собирает каждый из беков с собой от 300 до 1000 человек войска и для них содержание, смотря по величине округа, им управляемого.

Вообще они распоряжаются своим округом как независимые владельцы, они сами наказывают виновных и награждают усердных, только о самых важных преступлениях, требующих смертной казни, представляют на разрешение хану. Для помещения своего имеют окруженные стенами дома, наподобие укрепленных замков, где помещаются также приближенные к ним чиновники и часто войска».

В пределах управляемой им территории бек пользовался широкими правами, в частности правом суда. Из судебных дел он разбирал наиболее сложные, вернее, наиболее доходные, и мог утверждать все приговоры, за исключением смертной

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 722.
[2] И. Л. Яворский, цитированная работа, стр. 36 — 37.

казни. Впрочем, бек иногда сам приводил в исполнение и смертные приговоры, немедленно донося об этом эмиру. За проступки, связанные главным образом с уплатой хараджа, виновные подвергались ударам палкой, штрафу, аресту и конфискации имущества; мера наказания устанавливалась беком.

Обязанности бека в отношении населения отнюдь не заключались в заботах о благосостоянии этого последнего. Главная цель, которая преследовалась беком, — как можно больше выжать из населения, сидевшего на амляковой земле, всякого рода натуральных и денежных сборов — хараджа; а так как от размера представляемой эмиру суммы хараджа зависела и занимаемая им должность и доходы каждого бека, то понятно, сколь безграничен был произвол, который царил в деле сбора хараджа.

В непосредственном подчинении у бека находился ряд должностных лиц, которые выполняли уже более узкие функции в деле «управления» вилайетом.

Наибольшим влиянием при беке пользовался р а и с.[1]

В Бухарском ханстве, как известно, не существовало никаких писаных законов, кроме шариата; последний представлял собою средневековую религиозную догму и в качестве таковой служил в руках господствующего класса одним из средств духовного угнетения и порабощения трудящихся. Шариат объявлял землю принадлежащей богу, а так как эмир считался «божьей тенью на земле», то ему принадлежало право распоряжаться от имени бога всеми амляковыми землями и имуществом подданных.

Раис являлся знатоком шариата. На нем лежала обязанность следить за правильностью выполнения населением законов шариата, прежде всего духовных, а попутно и всех остальных. На обязанности раиса лежало также установление и объявление населению цен на продукты земледелия и скотоводства в базарные дни. Базар не открывался до тех пор, пока раис не объявлял цен. Все торговцы должны были придерживаться этих цен, нарушители же подвергались немедленному наказанию плетьми.

К числу видных помощников бека принадлежал и к а з и, т. е. судья-специалист. Кази выполнял все функции предварительного судебного производства, помогал раису; он ведал также операциями нотариального характера.

Кроме раиса и кази, при беке состояли м и р ш а б ы, д а г б а ш и, выполнявшие полицейские функции, и целый штат чиновников для различных поручений и командировок, затем один-два делопроизводителя — м и р з ы и огромный штат

[1] Другое наименование этого должностного лица — м у х т а с и б.

прислуги. Беку принадлежало право полного контроля над всеми подведомственными ему должностными лицами; контроль этот проводился при посредстве особых, состоящих при беке чиновников.

Каждое бекство в административном отношении подразделялось на амлякства. Обыкновенно каждое амлякство, а иногда и несколько их, вручались особому должностному лицу— амлякдару. Происходившее нередко объединение нескольких амляксть в руках какого-нибудь одного амлякдара объяснялось тем, что более ловкие амлякдары постепенно забирали в свои руки все бо́льшие территории с целью получения бо́льших доходов в свою пользу.

В иерархии Бухарского феодального ханства амлякдары занимали особое место. Амлякдары назначались беком и ему же подчинялись. Судьба амлякдаров всецело находилась в руках бека; получая назначение на бекство, он сейчас же рассылал своих сыновей, родственников, — а если их нехватало, то «верных» из челяди, — на «кормление» по амляк-ствам.

Главная обязанность амлякдара заключалась в сборе с населения своего амлякства хераджа и представления со бранного беку. Амлякдары, естественно, старались собрать наибольший харадж с населения, и их совершенно не интересовали вопросы благосостояния жителей порученного им амлякства или же благоустройства последнего.

Амлякдары производили подсчет урожая данного года или разбирали на месте какое-нибудь крупное происшествие. Прочими делами амлякства занимались подчиненные им амины и аксакалы, которым они передавали свои распоряжения, пользуясь для этого джигитами (конными ординарцами).

Амлякдары пользовались правом разбирать судебные дела, связанные со сбором хераджа, наказывать палками или налагать штраф в свою пользу. В связи с этим следует отметить ошибочность трактовки В. В. Бартольдом функций амлякдара. Он пишет: «Амлякдары не имели административной власти и только заботились об установлении количества урожая, подлежащего обложению»[1]. На самом деле амлякдары занимались не только установлением количества урожая, сбором хераджа, но и выполняли в пределах своего амлякства жандармские функции.

В большинстве своем амлякдары были людьми, совершенно не осведомленными даже относительно собственных амляксть. Они не знали даже границ своих амляксть, обо всем

[1] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 192.

справляясь у аминов и аксакалов. Нередко происходили споры о том, например, к какому амлякству принадлежит данный кишлак, где проходит граница амлякства и т. д. Объяснялось это тем, что почти ежегодно амлякдары перемещались из одного амлякства в другое; вновь назначенный амлякдар не успевал ознакомиться с одним амлякством, — к чему он, впрочем, и не стремился, — как попадал в другое. Частая же смена амлякдаров нужна была беку для того, чтобы они не могли, применившись к местным условиям, утаивать от бека слишком многое из награбленного у населения. Почти все амлякдары имели при себе мирзу (писарь, делопроизводитель), который и вел переписку под непосредственным присмотром самого амлякдара.

Следующую ступень на административной лестнице Бухарского ханства занимали амины — помощники амлякдаров. Амлякства подразделялись на даха, где выполнение административных обязанностей лежало на аминах. Должность амина существовала не во всех бекствах. Амины назначались амлякдарами, обыкновенно из числа коренных жителей амлякства, раньше занимавших должность аксакала. Амины являлись непосредственными исполнителями воли амлякдара, его ближайшими помощниками в деле собирания хераджа и надзора за населением. В распоряжении аминов имелись аксакалы селений.

Аксакалы (старшины) существовали почти в каждом кишлаке, иногда же несколько небольших кишлаков находилось в ведении одного аксакала. Должность аксакала являлась выборной; выборы производились ежегодно. Конечно, аксакалы выбирались из среды наиболее зажиточного населения; основная масса жителей кишлака никакого влияния на результаты этих выборов оказать не могла. Вновь избранный аксакал представлялся амлякдару, преподнося последнему несколько сот тенег и несколько баранов. Амлякдар утверждал выборы, что внешне выражалось в том, что он угощал нового аксакала и дарил ему халат.

Право выбора аксакалов и устранение их от должности в некоторых бекствах принадлежало и амлякдарам. Отстранение аксакала от должности чаще всего являлось следствием нерадения аксакала в деле сбора хераджа.

Кроме перечисленных должностных лиц, в бекстве существовала еще дополнительная категория людей, занимавших должности специального назначения. К ним принадлежали мирабы, дарга и закетчи.

Мирабы должны были следить за распределением воды и пользованием ею, а также заботиться об исправном состоянии ирригационной системы.

Дарга, состоя при амлякдарах в числе двух-трех человек, собирали сведения о размерах посевов хлеба на амляковых землях, об урожае данного года; они должны были следить за уборкой хлеба, за тем, чтобы хлеб никуда не увозился с хирмана. Обмолоченный хлеб опечатывался ими личной печатью прямо на хирмане. Наконец, дарга присутствовали при окончательном подсчете амлякдаром количества зерна с целью выяснить, сколько зерна должно отойти в пользу казны, т. е. в пользу эмира и его чиновников.

Закетчи — лица, состоящие при беках или амлякдарах, а иногда назначаемые в данное бекство центральным правительством, — занимались сбором так называемого закета. Закетом облагался скот и продаваемый на базаре товар. Поэтому и закетчи были двух разрядов. Одни безотлучно находились в городе и собирали закет с привозимых сюда товаров, другие объезжали в летнее время пределы бекства, вели подсчет скота и определяли размер закета с каждого владельца.

Все вышеупомянутые лица, занимавшие любые должности, начиная с бека и кончая аксакалами, дарга и закетчи, никакого содержания от эмира не получали. Все без исключения служилые люди (амальдары) жили в Бухарском ханстве за счет непосредственного производителя, при этом поборы, производимые ими с населения, никем не контролировались.

Каждый амальдар, получив должность, ставил себе цель выколотить как можно больше ренты, чтобы лучше обставить свое существование и обеспечить себя на будущее. И поскольку ни один из амальдаров не был уверен в длительности срока пребывания в той или иной должности, понятно, насколько ужасный характер носило взимание ренты с обнищавшего населения. Весь прибавочный продукт, созданный трудом непосредственного производителя, сидевшего на амляковых землях, переходил в карманы слуг эмира.

Глава пятая

РЕАЛИЗАЦИЯ АМЛЯКОВОЙ ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕНТЕ

Процесс реализации амляковой формы собственности в ренте представляет собою яркую картину беспощадной эксплуатации непосредственного производителя. По определению Маркса «...земельная рента здесь есть та экономическая форма, в которой земельная собственность экономически реализуется...»[1].

В законе феодальной ренты выражается основное производственное отношение феодального способа производства — в данном случае отношение между классом феодалов—амальдаров, являющихся собственниками земли и воды, и классом эксплуатируемых ими крестьян. Как бы не видоизменялась феодальная земельная рента, ее суть заключается в присвоении собственниками земли прибавочного труда производителей.

Амляковая система эксплуатации осуществлялась путем разделения всей амляковой земли на мелкие и мельчайшие участки; участки эти находились в наследственном владении и пользовании непосредственных производителей, которые и обрабатывали их, пользуясь собственным инвентарем. Но получаемые с такого участка амляковой земли продукты принадлежали не самому производителю, а собственнику амляковой земли. Распорядителями продуктов амляковой земли являлись амальдары в лице амлякдаров, аминов, аксакалов и пр.

Весь продукт делился на две части: на эмирскую и крестьянскую. Размер и соотношение той и другой устанавливались по усмотрению самих амальдаров. Получаемая крестьянином часть представляла собою необходимый продукт, т. е. средство обеспечения класса амальдаров рабочими руками. Весь прибавочный же продукт труда крестьян шел в пользу класса феодалов-амальдаров.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 631.

Если мы вспомним слова Маркса: «собственность — есть присвоение», нам станет понятным, что присвоение амальдаром прибавочного продукта крестьянского труда является конкретной реализацией рассматриваемой амляковой формы собственности,— собственности на землю и воду. В этом заключалась особенность феодальной эксплуатации непосредственных производителей, находившихся в Бухарском ханстве в положении поголовной зависимости от государства, в отличие от барщинной или оброчной формы эксплуатации непосредственных производителей отдельным феодалом в Европе.

Маркс, говоря о налоге-ренте как специфической форме изъятия прибавочного продукта на Востоке, особенно подчеркивал, что «если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты».[1]

Следовательно, если рента в Бухарском ханстве принимает форму налога, то лишь потому, что земельная собственность здесь принимает амляковую или государственную форму собственности, а при совпадении ренты и налога, как явствует из приведенной цитаты Маркса, «не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты».

Значительная часть ренты с амляковых земель выплачивалась в натуральной форме. Такая форма взимания ренты в свою очередь упрочивала старые формы производства в Бухарском ханстве, обрекала страну на застойное состояние. К. Маркс, характеризуя такую форму взимания ренты в Азии, пишет: «В Азии,— где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения, — эта форма платежей путем обратного влияния упрочивает, в свою очередь, старые формы производства»[2].

Время уборки хлебов с полей в Бухарском ханстве устанавливалось не коранда[3], а амлядаром, причем производилась уборка одновременно по всему амлякству. Одновременность жатвы, устанавливаемая амлякдаром, вредно отражалась на распределении рабочей силы, но зато давала амлякдару возможность организовать более строгий контроль над сбором урожая. Нередки были случаи, когда созревшие хлеба сильно

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр 804.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 148.
[3] Землепашец, обрабатывающий амляковую землю.

обсыпались на корню, и, несмотря на это, коранда не имел права приступить к уборке. По мере созревания урожая амлякдар призывал к деятельности дарга, поручая им строго следить за тем, чтобы созревший и собранный продукт был сложен в снопах, в кучи. Эти кучи, расположенные в известном порядке, осматривались дарга. Крестьянам строго воспрещалось увозить сжатый хлеб со своих полей. После осмотра дарга собранного хлеба разрешалось приступить к обмолоту.

Л. Н. Соболев пишет, что в это время вся обязанность дарга и вообще всего персонала сборщиков хераджа состояла в том, чтобы не допускать увоза хлеба ни в снопах, ни в зерне. Это была «самая трудная и самая серьезная часть их обязанностей. Они обращаются в полицейских и заводят целую систему шпионов. Увоз своего хлеба с поля до разрешения почитается воровством казенных податей»[1].

После тщательной подготовки к предстоящим сборам урожая амлякдар в подробности дела не вмешивался, а наблюдал за общим ходом работ, часто наказывая и избивая палками неповиновавшегося коранда или неугодившего ему дарга. Когда обмолоченный и провеянный хлеб был собран на хирмане в кучи, дарга осматривали каждый хирман и клеймили каждую кучу зерна. Клейма накладывались на вершину кучи и по четырем ее сторонам. Они состояли из кусков глины, на которых дарга делали определенные знаки. Из клейменой кучи действительно трудно было взять сколько-нибудь зерна.

Такова была в основном предварительная подготовка к сбору хераджа. Но это еще не все: чтобы произвести молият[2], амлякдар должен был поехать на хирманы для обмера куч зерна, что он делал обычно тогда, когда на хирманах все было готово и когда ему сверх нормы привозили известный «подарок», а главное, когда амлякдар и все чиновники амлякства, имеющие посевы, продавали свой урожай или давали его в аванс тому же населению по бешеным ценам. Для коранда создавалось невыносимое положение: при наличии своего уже готового хлеба, лежащего на хирмане, он должен был или покупать чужой хлеб (либо получить его в качестве аванса на кабальных условиях), или же умереть с голоду.

Обыкновенно накануне «поднятия» хирманов пшеница и ячмень шли по цене, в полтора-два раза большей, чем после «поднятия». Поэтому коранда, получивший аванс зерна, должен был возвращать авансировавшему его амальдару в полтора-два раза большее количество зерна, чем он от него получил. Взять же из кучи хотя бы три-четыре килограмма зерна было немыслимо, ибо при малейшем прикосновении к куче пе-

[1] Л. Н. Соболев, цитированная работа, стр. 351.
[2] Предварительный учет зерна.

чати расползались, а за целость печатей отвечал, конечно, коранда, который закрывал их деревянными тарелками и зорко следил, чтобы кто-нибудь не сдвинул тарелки и не испортил печати, иначе он лишался всего и вдобавок был нещадно бит палками на базаре.

Каждый день дарга ездили по своим участкам и проверяли печати. Если кто-нибудь не кончил еще веять, то дарга, проверив печати, снимал их до вечера. Когда провеивание зерна заканчивалось, печати накладывались окончательно и не снимались уже до приезда амлякдара.

Когда весь урожай данного амлякства был таким образом опечатан, амлякдар объезжал хирманы в сопровождении многочисленной свиты, куда входили амины, аксакалы, муллы, мирабы, мирза, джигиты и пр. Амлякдар на глаз определял количество обмолоченного и опечатанного хлеба (причем называемая им цифра обычно значительно превосходила действительное количество хлеба), и в зависимости от этого определялось и количество зерна, требуемого в уплату ренты. Коранда, естественно, не соглашался с определением амлякдара, но его протесты оставались без последствий. Бывали случаи, хотя и очень редко, когда в дело вмешивался аксакал данного кишлака; начинались споры, и, если они не скоро приводили к желательному для амлякдара концу, то производилось перемеривание зерна мешками. Выяснив, таким образом, действительное количество собранного зерна, амлякдар определял ренту, и последнюю тут же заносили в пайгир (запись).

В этом отношении интересен нижеследующий документ: «Во время пребывания его величества господина в Шахрисябзе, поехал туда навстречу Абдурахим Мирза-бай. (амлякдар, К. М.). В это время Абдулвахаб караул-беги, притворясь больным, поручил сбор урожая родственнику Махдуму — торговцу чаем, и последний собрал 31 ман[1] пшеницы и ячменя. Об этом он не сообщил Мирза-баю и не включил в тетрадь. После отъезда его величества вернулся к себе Мирза-бай и стал искать спрятанную караул-беги пшеницу и ячмень и, найдя, записал их в тетрадь. Затем он встретился с аксакалом Гозлика и вместе с ним приехал к одному хирману и оценил херадж в размере 5 ман. А аксакал оценил в 3,5 ман. Мирза-бай ответил ему, что находящегося на хирмане зерна не меньше 25 ман. Так как они не пришли к соглашению, то пришлось перемерить зерно и оказалось, что его немного меньше 25 ман. Относительно его (Мирза-бая) аксакал сговорился с несколькими жителями, зарезали барана и пошли к опоре власти Мирбидодха с жалобой на Мирза-бая. Опора власти видимо направил на место (для проверки) Мирза-Курбана и

[1] 8 пудов.

считал нужным поставить вас, господин, об этом в известность рабским докладом. Вы, господин, сами еще лучше меня знаете»[1].

«Поднятие» хирманов было золотым временем для сборщиков хераджа. Почти вся доставшаяся им нажива зависела от того, как была проведена эта операция. В большей части случаев дело происходило так: если земледелец богат, амлякдар входил с ним в сделку. Та часть урожая, которая подлежала внесению в пайгир, разделялась на несколько частей. Этими частями пользовались амлякдар, дарга, мирзы и другие амальдары низшего разряда. Иногда богатый владелец амляковой земли из числа купцов записывал в пайгир половину следуемой с него ренты, а другую половину делил между сборщиками, оставляя себе известную часть. Бывало и так, что бо́льшая часть ренты оставалась у богатого владельца амляковой земли, а меньшая бралась сборщиками, тогда в пайгир не записывалось ничего. Это бывало в тех случаях, когда владельцы земли были родными или знакомыми сборщиков. Что же касается земель аксакалов, аминов, мирабов; то они вовсе освобождались от каких бы то ни было хераджных обложений и находились на одинаковом положении с землями милька.

Бедных же не щадили. С них брали все, что только возможно было взять, и часто совершенно разоряли их. В письме Сейид-Мирак Ясовул Уляма эмиру Музаффару мы читаем: «Жители Кара-кула Камалбай, Салтык-бай, Таир-бай и Кабыл-бай доложили господину следующее: «Абдулла-бек мирохур необвеянный наш ячмень записал в списки мол[2]. Мы подавали заявление господину и, получив ответ, обратились к нему (Абдулла-бек мирохуру). Он нас арестовал».

Таким образом, совершая сделки с богатыми земледельцами, амальдары присваивали себе часть ренты, а для того, чтобы выполнить задание своего бека по сбору ренты, они обрушивались на бедных, вплоть до опечатания их зерна в необвеянном виде. Сборщики во главе с амлякдаром не ограничивались присвоением себе ренты путем сделки с богатыми. Когда хирман был «поднят» и рента записана в пайгир, сборщики брали себе еще в качестве «вознаграждения» за сбор ренты так называемый «кафсан», т. е. каждый сборщик брал из хирмана в полу своего халата или рубашки такое количество зерна, какое могло в ней поместиться. Бывали случаи, когда сборщики, чтобы захватить больше зерна, одевали особые халаты с широкими и длинными полами.

[1] Архив кушбеги.

[2] Мол означает то же самое, что и молият.

Молият составлялся на каждый продукт, разделялся он на два вида: на сафед-бари и на кабуд-бари. В первый вносились продукты земледелия, созревавшие ранее, каковыми были ячмень, пшеница (богарные), зыгыр и кукнар, во второй же — джугара, кунак, шала и проч.

С кунжутом и хлопком дело обстояло иначе: молият здесь производился по площади посевов. Поскольку размер ренты, определяемый по площади,—вещь довольно неопределенная, такой способ определения являлся самым выгодным для всякого амлякдара.

Прибегать к такому способу определения приходилось потому, что кунжут созревал и сбор его производился поздно, когда начинались дожди, так что, собрав его немного, необходимо было сейчас же отвозить его в закрытое помещение, иначе самая незначительная влажность приводила к его гниению. Кто же не успевал вывезти кунжут с поля, должен был тщательно укрывать его, что невозможно было сделать, не повредив печатей.

Хлопок же опечатывать было невозможно; также нельзя было и уследить за его сбором: пришлось бы для этого на каждое поле ставить по одному дарга.

Как хлопок, так и кунжут в Бухарском ханстве расценивались очень дорого, а потому и рента, взимаемая с хлопковых и кунжутных посевов, была непомерно велика. Поэтому население и не имело стимулов к посеву этих культур. Сокращение посевов хлопка и кунжута не могло, в свою очередь, не отразиться на развитии кустарных промыслов города.

При обмере зерна коранда, как мы указывали выше, мог протестовать, хоть и безрезультатно, против неправильного обмера; при определении же размеров урожая по площади он вынужден был молчать. Бывали случаи, что по определении размера ренты на хлопок коранда совершенно отказывался от сбора, так как ему пришлось бы и хлопок отдать, и продать свое имущество для полного взноса ренты.

После завершения молията начинался сбор ренты. В случае малейшего уклонения коранда от уплаты записанной за ним ренты принимались жестокие меры. Так, например, в «Истории эмира Хайдара» авторы так описывают деятельность по сбору ренты двух бухарских амальдаров:

«Действуя жестокими средствами, Мирзахан подвергал мучениям каждого, кто не уплачивал ему сразу хераджа. Он ячлялся на дом к тем, кто скрывался, и брал насильственно все, что попадалось. Жестокость его не поддается описанию. Так же жестоко действовал и Мухамед Шукурбек в Янги-Кургане»[1].

[1] Цитируется по П. П. Иванову (П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., АН СССР, 1937, стр. 97).

Собираемая таким путем рента постепенно поступала бекам, а последние, оставив себе львиную долю, представляли ее эмиру.

Когда аппетиты амальдаров и эмира были удовлетворены, начинался период одаривания подчиненных халатами и лошадьми, ценность которых возрастала пропорционально результатам сбора ренты в данном году.

Если же эмир был неудовлетворен, то начинался ряд экстренных ревизий, и тогда происходила перестановка и смещение тех должностных лиц, которые приложили недостаточно стараний для выжимания последних соков из населения.

Наряду с вышеуказанной системой сбора ренты, осуществлявшейся на амляковых землях амальдарами, имела еще место система сдачи сбора ренты в откуп. Эмир представлял беку право отдавать в откуп на предмет сбора ренты кишлак, даха, иногда целые амлякства. Откупщиками являлись те же сборщики ренты из числа аксакалов, аминов и амлякдаров.

Подтверждением этого является указ эмира Насруллы Мухамед Хакиму куль-кушбеги, предоставляющий последнему широкие полномочия по управлению вилайетом Карши: «В это время вышел высокий указ о том,что опора визирства, приближенный Мухаммед Хаким-бий куль-кушбеги отправлен для управления вилайетом Карши. Надлежит, чтобы указанный обладатель визирского достоинства проводил подсчет доходов саферы и кабуди с нижних, средних и высших деревень Карши и платы с мельницы, потанапной платы с сада, денежного сбора с табака и закета с подвластной ему территории Карши. По высочайшему реестру выдать навкарам их улуфе и танабана. Пусть аламаны потребуют от кушбеги сафед-бари и кабуд-бари каждое в свое время. Сначала пусть амлякдары по предварительному подсчету его визирства берут (в аренду), а если амлякдары не возьмут, пусть отдадут населению. Из хераджа этого года амлякдары все, что забрали с населения натурой и деньгами, пусть вернут его визирству. Если же упрутся — приказали арестовать».

При подобной системе отдачи сбора ренты в откуп право сбора ренты полностью переходило в руки откупщиков. Они становились самостоятельными хозяевами и распорядителями амляковой земли и взимали ренту по своему усмотрению. Условия откупа были установлены эмиром.

В указе эмира Насруллы, адресованном тому же Хакиму кушбеги, мы читаем: «Мухамед Гани было нам доложено, что им будет арендован Рометан из расчета один на полу-

тора. Если население желает брать на таких условиях — отдайте, в противном случае сам Мухамед Гани проявляет благожелание».

Откупщики, получая от эмира право собирать ренту с определенных амляктв, были обязаны, как видно из вышеприведенного документа, сдавать 3/5 ее эмиру. Величина ренты устанавливалась, повидимому, шариатом, и формально откупщики не могли ее менять. Однако на практике размеры взимаемой ренты определялись произвольно, по усмотрению самих откупщиков.

Поскольку большинство откупщиков состояло из аксакалов, аминов и амлякдаров, то при взимании ренты они руководствовались теми же методами, что и при составлении молията, о чем мы подробно говорили выше. Нередко откупщик-амлякдар продавал право сбора ренты аминам, которые в свою очередь перепродавали его аксакалам за бо́льшую сумму. Так целая иерархия откупщиков извлекала доход из своего права сбора ренты, и вся эта свора паразитов обирала крестьянство.

Даже сам эмир Насрулла вынужден был признавать факты ограбления крестьянства откупщиками. В одном из своих писем к Мухамед Хакиму он пишет: «По поводу Бухар-бек Мехтар и Зульфукар-деха-баши вы мне докладывали. Передайте им, что если они не причинят притеснения населению и не будут злоупотреблять, если они дадут больше, чем население, отдайте им (в аренду), пусть благословят нас».

Вся эта система сдачи сбора ренты в откуп осуществлялась эмиром посредством беков. О ежегодных доходах и расходах крупного вилайета бек отчитывался перед эмиром.

Ниже мы приводим сохранившийся подлинный финансовый отчет по одному из крупнейших в Бухарском ханстве бекств — Самаркандскому — за 1860 г., — документ, опубликованный Л. Н. Соболевым в неоднократно цитировавшейся нами работе.

Из этого отчета, представленного Самаркандским беком эмиру, видно, что вся рента, собираемая беком за год, выразилась натурою примерно в 66120 батманах разного зерна и деньгами — примерно в 160 тыс. тенег. Очевидно, что в экономике Бухарского ханства XIX в. значительное место занимала еще натуральная форма взимания ренты, хотя наряду с ней существовала и денежная форма. Из того же отчета видно, что часть ренты, как в натуральной, так и в денежной форме, шла в личное пользование феодально-служилых людей самого бекства, остальное поступало эмиру.

Подтверждением этого может служить также материал, собранный русской экспедицией в Бухаре в 1841 г. В одном

из документов экспедиции говорится: «Каждый из беков имеет своих служащих, войска, слуг. На содержание своего штата он пользуется известной суммой из собранной им самим подати, оставшуюся затем сумму подати отсылает хану».

Однако та часть ренты, которая поступила в распоряжение эмира, в свою очередь также в значительной части распределялась между вышестоящими амальдарами. Об этом свидетельствует множество документов, хранящихся в архиве кушбеги и в Институте востоковедения АН УзССР. В одном указе эмира Насруллы адресованном Мухаммед Хакиму, говорится: «Выдавайте Берди-Назару-караул-беги, Мирсабиру-караул-беги и Джуманкулу-караул-беги каждому в отдельности по двести ман улуфе»[1].

При этом следует отметить, что собранная с населения рента ни в какой своей части не затрачивалась на благоустройство страны, даже на проведение оросительных систем, не говоря уже об образовании и о других хозяйственно-культурных нуждах населения. Вся она целиком и полностью поступала в распоряжение паразитического класса амальдаров. Уместно вспомнить приводимые Б. Г. Гафуровым[2] слова известного писателя Ахмад Махдум Дониша о том, что «мангитские эмиры овладели всем, что где-либо находили... и все тратили на потребу своего брюха».

Чтобы иметь ясное представление о размерах ренты, получаемой в Бухаре каждым отдельным амальдаром, мы считаем необходимым привести здесь из упомянутого выше отчета отрывок, характеризующий распределение и расходование беком этой ренты.

«Жалованья служащих лиц (нукар).

Мухамед-гали-бею Кипчаку 100 бат. хлеба; двум ишикага-башам 180 бат.; двум чагатай-беги 120 бат.; 17 токсабам по 80—1360 бат.; 29 мирахурам по 60—1540 бат.; 17 караулбеги по 50—1650 бат.; 3 кирши-башам по 35—105 бат; 73 джибачам по 30—2190 бат.; 121 мирза-баши по 24—2904 бат.; 322 чар-акасаш по 20—6440 бат.; 500 юзбашам по 16—8000 бат.; 143 пендже-башам по 14—2002 бат.; 90 дах-башам по 12—1080 бат.; 634 дах-башам по 10—6340 бат.; 358 служителям по 8—2864 бат.; 3 мирахурам 180 бат.; 3 шакирдбачам 490 бат.; всего 37720 бат. хлеба».[3]

---

[1] Архив кушбеги.

[2] Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 381.

[3] Итог не соответствует сумме слагаемых.

Расходы Самаркандского бека в пользу двора в денежном виде составляют следующие суммы:

«Количество хлеба и денег, употреблямых на покрытие расходов двора его высокостепенства.

Казначею его высокостепенства — 60 000 тенег; в бытность его высокостепенства в Самарканде выдано на расходы 70 000 тен.; Мирза Разыку Пенсад-баши 4211 тен.; по трем распискам его высокостепенства выдано разным лицам 1160 тен.; еще 90 теллей золотых; для приема его высокостепенства 18 000 тен.; 14 тючков халатов и разных материй — 9000 тен.; две лошади со сбруями—2000 тен.; 200 штук даке (белая бумажная материя) и 100 шт. футе (шали для поясов) — 2800 тен.; 700 посредственных халатов — 22 000 тен.; на покупку чая и сахара — 2200 тен.; на прием и угощение его высокостепенства 13 000 тен.; для встречи его высокостепенства поставлены несколько кибиток и палаток и куплено несколько баранов и разных вещей на сумму 500 тен.; на содержание сопровождавших его высокостепенство беков и их прислуги—7 000 тен.; кроме послов кокандских и кабульских на содержание гостей, прибывших из разных стран, издержано 2000 коканов; на жалованье серкерде — 1000 тен.; Худаяр-хану выдано 1260 тен.; на содержание команды Абдурасуля мирахура отпущено 4200 тен.; пожертвовано разным мазарам 570 тен.; муллам медресе хазрет-ша 100 тен.; на содержание послов кокандских—5400 тен.; за перевозку халатов выдано 650 тен.; на удовлетворение служащих лиц содержаниями с зеленого хлеба выдано 44 030 тенег — всего 272 000 тен.

Израсходовано мною на собственные надобности всего 1105 бат. ячменя, 1180 бат. пшеницы и 3350 бат. шалы».[1]

Из этого отчета видно, что каждое служилое лицо в иерархической структуре Бухарского ханства является не только носителем политической власти, но, как мы уже указывали выше, также участником общей феодальной системы присвоения. Таким образом, в лице одного и того же человека мы имеем здесь чиновника и феодала, поэтому есть достаточно оснований называть феодалами всех бухарских амальдаров вообще.

Все исследователи земельного вопроса в Бухарском ханстве проходили мимо этого важнейшего вопроса. Они не уяснили себе специфической особенности феодализма в Бухарском ханстве и вследствие этого или вовсе отрицали существование здесь феодализма или не хотели видеть какие-либо различия между феодальной структурой Бухарского ханства и Европы. Амальдар в Бухарском ханстве являлся, по их представлениям, простым чиновником, получающим в определенные числа из казны положенное ему жалованье. Они не видели в лице этого чиновника феодала-эксплуататора, присваивающего прибавочный продукт непосредственного производителя. В этом состоит коренная ошибка всех без исключения исследователей земельного вопроса не только в Бухаре, но во всей Средней Азии.

Следует при этом подчеркнуть, что наряду с амляковой формой собственности, являвшейся господствующей формой собственности в Бухарском ханстве, существовала еще так называемая мильковая форма землевладения.

Е. В. Бунаков, ссылаясь на отдельные данные финансовых органов Зеравшанского округа, представленные в 1869 — 1870 гг., пишет, что в этом округе «85 проц. всех налогов поступало с подшалычных (амляковых. К. М.) земель и около 15 проц. с мильковых и вакфных».

[1] Л. Н. Соболев, цитированная работа.

Глава шестая

АМЛЯКОВАЯ ФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ

При феодализме непосредственный производитель, располагая правом собственности на орудия производства, не имеет права собственности на основное средство производства — землю; земля принадлежит феодалу, непосредственный же производитель лишь владеет ею на тех или иных условиях. Не внеэкономическое принуждение, а именно феодальная собственность на землю является экономической основой феодализма.

Однако, чтобы осуществить свое право собственности на землю, чтобы заставить «владельца земли» отдать ему свой прибавочный продукт, феодал должен был обладать еще в большей или меньшей степени неполным правом собственности на самого непосредственного производителя, чтобы выжать из него прибавочный продукт путем внеэкономического принуждения. Таким образом, право феодальной собственности на землю неразрывно связано с неполной собственностью на земледельца.

Характеризуя феодальный строй, И. В. Сталин пишет: «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанное на личном труде».[1] Специфическим для Бухарского ханства является то, что здесь феодальная собственность принимает форму амляковой земельной собственности, неполная же собственность феодала на крепостного —

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1947, стр. 555 — 556.

форму неполной собственности класса феодалов-амальдаров на коранда. Специфичность заключается в том, что класс феодалов-амальдаров, участвуя в управлении страной, получает ренту, которая принимает иную форму — форму ренты-налога.

Если поглубже вникнуть в экономику Бухарского ханства, станет очевидно, что феодальная собственность, закрепление крепостного за землей, внеэкономическое принуждение и личная зависимость крепостного — все эти характерные черты феодальных отношений находили свое выражение в ряде весьма сложных институтов феодального Бухарского ханства, главным и господствующим из которых являлась амляковая форма земельной собственности. Нет сомнения в том, что в результате научного анализа феодальных отношений в Бухарском ханстве можно найти то общее определение права феодальной собственности, которое оказалось бы адэкватным и для российского феодально-крепостнического строя и для феодальной структуры Бухарского ханства.

Сопоставляя крепостническое государство России с отсталыми азиатскими странами, Ленин писал: «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещиков над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует — по форме оно отличалось—было или республиканское, или монархическое».[1]

Таким образом, крепостническое государство в России Ленин ставит в один ряд с отсталыми азиатскими странами. Действительно, в Бухарском ханстве коранда был таким же государственным крепостным, как крестьянин в России.

Распределение средств производства между эксплуататорами и эксплуатируемыми может проявляться, по выражению Маркса, в самых различных вариациях и градациях. Является ли собственник только сувереном общих условий производства—земли, или же он, кроме того, является верховным собственником также и воды или даже искусственных сооружений, необходимых для нормального хода производственного процесса, как это мы видели выше,— все это не меняет самой сущности отношений между эксплуататорами и непосредственным производителем.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 445.

Точно также мы можем отвлечься от различия в правовой позиции тех или иных непосредственных производителей и подвести их под один общий тип, руководствуясь при этом указаниями классиков марксизма-ленинизма. По отношению к феодальному крестьянству классики марксизма-ленинизма дают общую характеристику его несвободы, которая «от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»[1] или «внеэкономического принуждения», формы и степени которого «могут быть самые различные, начиная с крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[2].

Следует, впрочем, отметить, что, как ни широки эти формулы, все же за пределами их остаются, с одной стороны, свободные собственники-милькдары, с другой стороны, те рабы, о существовании которых в Бухарском ханстве мы уже говорили выше.

Взимание ренты государством, путем внеэкономического принуждения было в Бухарском ханстве своеобразной формой личной зависимости коранда от амальдаров, — зависимости от амальдаров, как от коллектива собственников амляковой земли в лице эмира.

Права собственности амальдаров на землю и на воду давали им возможность осуществлять власть над самой личностью непосредственного держателя этой земли и пользователя воды — коранда. Имея права на воду, амальдар, не останавливаясь перед самыми крайними варварскими методами, подчинял себе непосредственного производителя. Мы уже отметили выше факт лишения коранда амальдаром пользования водой, что означало в условиях Бухарского ханства уморить непосредственного производителя голодом. Таким образом, личная зависимость коранда от амальдара была обусловлена монопольной собственностью амальдаров на воду и на амляковую землю.

Взимание ренты продуктами в Бухарском ханстве сочеталось с существующей рядом рентой отработочной или барщинной.

Важнейшей формой проявления такой отработочной ренты являлась мобилизация крестьян по проведению огромных оросительных каналов, собственниками и распорядителями которых становились амальдары. Своеобразие этой отработочной формы ренты, да и самое существование ее, вытекало из той специфики производительных сил, которая была связана с ирригацией как неотъемлемой составной частью земледельческого процесса в стране.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, стр. 352.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 140.

Имеющиеся архивные документы говорят о том, что вся работа, связанная с проведением оросительных каналов, осуществлялась так называемым методом «хашара». Коранда при этом не только работал даром в пользу амальдаров, но и подвергался денежным обложениям, связанным с расходами на проводимые работы, причем подвергался обложениям наравне с теми, кто, пользуясь водой, совершенно не принимал участия в работе хашара. К этим последним относились представители богатой прослойки сельского населения.

Вот что говорит об этом в письме один из амальдаров:

«Письмо Абдуллы Муминбека караул-беги из каракульского вилайета его величеству господину эмиру.

В год два-три раза состоится хашар. При этом проверка явки населения на хашар не проводится, а в конце года все население поголовно подвергается денежным обложениям, связанным с расходами на проводимые работы. У населения сложилось убеждение, что работай или не работай — все равно придется платить. Поэтому в самое решающее время хашара население относится к нему беспечно, не принимает в нем участия.

Если из какого-нибудь неудобного места нужно проводить воду, для чего всего требуется 5—6 человек, то их приходится пригонять силой. Кроме того, на это расходуется излишних 3—4 тысячи. Из-за неудобного места проводимая вода начинает со всех сторон разливаться и создается дополнительная трудность для немедленного ее использования, что связано с еще бо́льшими расходами. Те 5 — 6 человек, насильно пригнанные на хашар, были простые бедные люди (бева-бечорагон), в то же время люди богатые, привилегированные (дахан-колон, риоядорон), не участвуя в хашаре, платили наравне с бедными. Тем самым бедному неимущему населению причиняется большое притеснение».[1] Кроме того, коранда должен был оплачивать в установленные сроки натурой за постройку дорог, за транспорт.

Коранда был, таким образом, крепостным в полном смысле этого слова. Разница между крепостничеством в России и крепостничеством в Бухарском ханстве состояла лишь в том, что взимаемая рента в первом случае поступала в распоряжение отдельного помещика, во втором — в пользу коллектива амальдаров. Сущность же ренты как экономической формы реализации земельной собственности и в том и в другом случае оставалась той же.

К. Маркс пишет: «Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный

[1] Архив кушбеги.

прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения».[1]

Мы выше приводили указ эмира Насруллы, из которого явствовало, что каждый амальдар, занимавший более или менее высокую должность, получал ренту натурой по 200 батманов зерна. Если рассмотреть эту ренту в аспекте помещичьего землевладения, то возникает сам собою вопрос: сколько же танапов амальдар должен был бы иметь земли в личном своем распоряжении, чтобы получить такой величины ренту?

По сообщению Л. Н. Соболева, средняя урожайность одного танапа земли в Бухарском ханстве составляла 2 батмана зерна, т. е. 16 пудов. Следовательно, чтобы получить 200 батманов зерна, амальдару понадобилось бы иметь 100 танапов земли. Но поскольку, как мы знаем, землевладелец сам земли не обрабатывал, а пользовался трудом земледельца, сидевшего на его земле со всем своим хозяйством, то, разумеется, амальдару приходилось бы содержать таких земледельцев, уступая им, положим, $^2/_3$ от всего собранного урожая, необходимых для поддержания их жизни и возмещения затраченной части хозяйства, что также является необходимым условием получения ренты самим амальдаром. Значит, для того, чтобы получить 200 батманов ренты, амальдар должен был бы иметь не 100, а 300 танапов земли, т. е. получать 600 батманов зерна урожая, из коих 400 шло бы на содержание земледельцев и 200 в виде ренты поступало бы самому амальдару.

Чтобы получить ясное представление об амальдаре как феодальном земельном собственнике, нам следует еще, исходя из размеров ренты, получаемой амальдаром, определить число земледельческих хозяйств, находящихся в его распоряжении. Так, например, из документа, приводимого нами ниже, в главе о «танхо», видно, что каждое земледельческое хозяйство, сидевшее на амляковой земле, в среднем владело двумя танапами земли. Следовательно, амальдар, получивший 200 батманов зерна ренты, должен был иметь в своем распоряжении 150 земледельческих хозяйств, и при этом практически $^1/_3$ земли в каждом хозяйстве принадлежала бы амальдару.

Стало быть, при такой форме землевладения земля делилась бы на две части: землю, принадлежащую амальдару, и

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, стр. 817.

землю крестьянскую,— так же как земля русского крепостного поместья, которая делилась на барскую и крестьянскую.

Таким образом, получаемая амальдаром рента по существу ничем не отличается от получаемых помещиком доходов. «Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты».[1]

Рента продуктами, следовательно, есть другая форма той же самой отработочной или барщинной ренты. Характеризуя барщинную систему хозяйства, Ленин пишет: «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства, например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»[2].

Итак, для крепостнических отношений России при барщине было характерно то, что труд крестьянина на себя и на помещика был разделен здесь во времени и пространстве. В бухарском ханстве труд кораида на самого себя и его труд на земельного собственника-амальдара подобным образом осязательно не разделяется. Тем не менее, прибавочное время здесь, как и в первом случае, принадлежит амальдару, с той только

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 807.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 157—158.

разницей, что последний не получает его «непосредственно в его собственной натуральной форме, а получает в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется»[1].

Было бы, однако, неправильным, при всем том, что есть общего между амальдаром и помещиком, упускать из виду имеющиеся между ними различия. Право собственности на землю так же, как право взимания ренты, есть всеобщее абстрактное определение. Оно могло бы быть отнесено, как мы видели выше, одинаково как в амляковой, так и к поместной форме земельной собственности, поскольку как та, так и другая представляют собою разновидности одной и той же формы земельной собственности — феодальной.

Всем общественным явлениям, как указывает И. В. Сталин, присуще то общее, что они обслуживают общество. Но, кроме этого общего, у каждого круга общественных явлений есть свои специфические особенности, «которые более всего важны для науки»[2].

Например, при амляковой форме собственности амляковая земля непосредственно не принадлежала отдельным амальдарам. Последние не имели самостоятельной организации хозяйства и были совершенно оторваны от самого процесса сельскохозяйственного производства; их интересовало не улучшение состояния техники земледелия, пути и способы увеличения урожайности, а лишь своевременное получение ренты.

При поместной же форме земельной собственности земля, как известно, принадлежала отдельным помещикам. Она делилась на две части — на барскую и крестьянскую. Размеры и соотношения той и другой устанавливались на основании хозяйственных соображений помещиков. Помещик был заинтересован в интенсивном ведении своего хозяйства, барская земля лучше удобрялась; вообще помещики старались ввести на своей земле более высокую технику земледелия. Так как хозяйство крепостных крестьян являлось для помещичьего производства источником рабочей силы, то в интересах помещика было также следить за соответствием рабочей силы крестьянского хозяйства, имеющимся в распоряжении этого хозяйства средствам производства (скот, инвентарь, самое земельное обеспечение).

При амляковой форме собственности урожаем распоряжается не сам непосредственный производитель, не он является хозяином своего продукта: весь продукт принадлежит амальдарам. Здесь уже не производитель выделял из своего продукта

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 808.
[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 35–36.

долю для землевладельца, а наоборот, землевладелец выделял долю для производителя,— долю, составлявшую его прожиточный минимум. Весь же прибавочный продукт, созданный трудом производителя, потреблялся паразитическими сословиями амальдаров.

В отличие от этого при поместной форме земельной собственности помещик требовал от крепостных крестьян определенного количества отработок на своей земле или поставки определенного количества продуктов, предоставляя при этом крестьянам возможность по своему усмотрению распределять свое рабочее время и свои продукты.

При амляковой форме собственности экономическое положение коранда мало отличалось от положения раба. Будучи лишен права распоряжаться продуктами своего труда, он был в своем труде совершенно незаинтересован, естественно, не проявляя в нем никакой инициативы. «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде».[1] У коранда, конечно, ни того, ни другого, ни третьего быть не могло. Этим и объясняется низкий уровень техники производства и застойность экономической структуры феодального Бухарского ханства.

Амляковая форма земельной собственности становилась, таким образом, величайшей помехой в развитии производительных сил, оказывалась тормозом всякого прогресса в стране. По сравнению с ней поместная форма земельной собственности являлась формой более или менее прогрессивной, она открывала известный простор развитию производительных сил, в известной мере стимулировала крепостного крестьянина к расширению своего личного хозяйства, следовательно, пробуждала в нем инициативу к развитию производства.

Как мы уже указывали, при наличии многообразия феодальных производственных отношений в разных странах нельзя, конечно, говорить о земельном праве, как о чем-то едином и цельном. Каждая страна имеет свои особенности, свои специфические условия, которые определили тот или иной земельно-правовой режим. Различные социально-экономические условия создают различные формы землевладения и землепользования. Таким образом, в основе форм земельной собственности в каждой стране лежат различные экономические отношения, по-иному разрешается основной вопрос земельного права — вопрос о том, по какому юридическому титулу эксплуатируется крестьянская масса, сидящая на земле.

[1] История ВКП(б), Краткий курс, Госполитиздат, 1950, стр. 120.

И, тем не менее, несмотря на разнообразие форм землепользования и землевладения, в вопросе о земельной собственности для всех стран есть много общего. Основа этой общности заключается в том, что «во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный»[1]. Это положение Маркса относится к самым разнообразным категориям зависимых держателей земли, в том числе к зависимым держателям амляковой земли.

Чтобы иметь ясное представление о конкретных феодально-крепостнических отношениях в Бухарском ханстве, необходимо, как мы уже говорили, прежде всего учитывать все присущие ему специфические особенности. Ибо вся нынешняя путаница в этом вопросе объясняется тем, что востоковеды, пытаясь разрешить вопрос о феодализме и крепостничестве в Бухарском ханстве, обычно исходили из готовой схемы, усердно стараясь найти здесь отдельного крупного землевладельца-помещика с его хозяйством и рядом с ним хозяйство крепостного крестьянина. Разумеется, при таком подходе к делу разрешить вопрос о феодализме и крепостничестве в Бухарском ханстве было немыслимо, что послужило, в свою очередь, одной из основных причин отрицания этими авторами вообще наличия в Бухарском ханстве феодально-крепостнических отношений.

Другим основанием для подобного решения вопроса служили ссылки на мусульманское религиозное «законодательство», на нормы мусульманского права. При этом они не отдают себе отчета в том, что могут существовать крепостнические отношения, не оформленные юридически крепостным правом. Как известно, в России крепостнические отношения существовали за много десятилетий до формального установления крепостного права.

Маркс, касаясь вопроса о крепостнических отношениях в России, писал: «С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако, только фактически, а не юридически, пока они

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 352.

не были узаконены всемирной «освободительницей» Россией, под предлогом отмены крепостного права».[1]

Развитие крепостнических отношений в России обусловливалось ростом помещичьей эксплуатации, возрастающей возможностью сбыта на рынок части сельскохозяйственных продуктов и выросшей в связи с этим потребностью помещиков в расширении барщинных запашек. По мере роста и развития барщины все более расширялась крепостническая эксплуатация крестьянства, которая постепенно и была оформлена соответствующими юридическими актами крепостного права.

Говоря о формальной отмене крепостничества, Ленин подчеркнул, что «барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права, но не уничтожена окончательно»[2]. В этом высказывании Ленина подчеркнут тот факт, что формальная отмена крепостного права еще не означала уничтожения крепостнических отношений. Крепостное право есть, таким образом, лишь юридическая форма, которая оформляет крепостнические отношения, но отнюдь не создает их: они могут существовать и без юридического оформления и даже вопреки юридическим установлениям.

В России, где помещичий класс состоял из отдельных самостоятельных землевладельцев, распоряжающихся непосредственно трудом крепостного крестьянина, функция защиты интересов этого помещичьего класса выполнялась государством, которое привлекало для этого все имеющиеся у него средства внеэкономического принуждения.

В Бухарском же ханстве амляковая земля принадлежала не отдельным помещикам, а организованным в государство феодалам-амальдарам. Поэтому, с одной стороны, государство было здесь не только «организацией крепостников для подавления крепостных крестьян» (Энгельс), но и собственником земли; с другой же стороны, амальдары были не только коллективными собственниками амляковой земли, но и непосредственными представителями аппарата насилия. Аппарат насилия был тесно переплетен с амляковой земельной собственностью; власть над землей и над людьми здесь сливалась в единую власть амальдаров.

Все средства для осуществления этой власти, — средства внеэкономического принуждения: полиция, тюрьмы, палачи, — находились в непосредственном ведении самих амальдаров. В силу этого они и не нуждались еще в юридическом оформлении крепостного права.

В России усиление экономического нажима помещиков вызывало рост всякого рода крестьянских «отказов», бегства

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 242—243.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 159.

с участков. Но вместе с тем усиливались и помещичьи репрессии, принимались активные меры для закрепления крестьян за землей и в виде полного закрепощения крестьян и установления полной и личной власти помещика над крестьянином.

В Бухарском ханстве монопольная собственность класса феодалов-амальдаров на амляковую землю исключала возможность бегства коранда с участков. Кроме того, коранда был доведен до состояния такой крайней бедности, что его скудные средства, вложенные в орудия производства, семена и т. д., не могли бы обеспечить ему содержание в другом промысле, кроме сельского хозяйства; недостаточно было этих средств и для того, чтобы жить скотоводством за пределами орошаемых земель. Коранда был вынужден или возделывать амляковые земли, или умереть с голоду — фактически он был прикован к земле. Найти спасение от чрезвычайно тяжелого бремени ренты, взимаемой амальдаром, путем отказа от жалких клочков амляковой земли он не мог, не мог он и приобрести себе землю без разрешения на это амальдара или эмира; любая перемена местожительства, переход из одного кишлака или вилайета в другой в силу повсеместного в ханстве поголовно закрепощенного положения коранда не изменили бы его положения и не избавили его от нищеты.

Всеми этими обстоятельствами и обусловливалось здесь отсутствие необходимости юридически, специальными актами, оформить прикрепление коранда к земле. И было бы ошибочно проводить, как это делает ряд историков-востоковедов, принципиальную грань между положением коранда в Бухарском ханстве и положением русского крепостного крестьянина.

Дело в том, что одни авторы, как мы отметили выше, считают коранда собственником амляковой земли, другие — простым арендатором; нередко один и тот же автор высказывает оба этих противоречивых утверждения. Характерным в этом отношении является высказывание Е. В. Бунакова, который прямо пишет: «Во всех трех узбекских ханствах вся земля до русского завоевания юридически, в соответствии с мусульманским правом, считалась верховной собственностью хана или эмира соответствующего ханства. Практически же все земли, переданные на тех или иных условиях (о них ниже) в пользование населения, явились собственностью последнего и могли быть в разной степени предметом купли и продажи».

Дальше он пишет: «... основной экономической формой присвоения добавочного труда в сельском хозяйстве узбекских ханств XIX в. являлись арендные отношения». «Арендная плата, являющаяся основной формой экономического присвоения прибавочного труда, изымала из хозяйств непосредственных производителей от 15 до 33 проц. урожая, доходя в ряде случаев до 50 проц.».

Таким образом, Е. В. Бунаков в первом случае называет непосредственных производителей «фактическими» собственниками амляковой земли, во втором — арендаторами; он не дает при этом себе отчета в том, что один и тот же объект не может быть собственностью и в то же время предметом аренды одного и того же лица.

Столь же мало выдерживающим критику является и определение Е. В. Бунаковым экономических отношений при амляке, как отношений арендных. На самом деле, какой же арендатор, не подверженный внеэкономическому принуждению, согласился бы предоставить все продукты своего труда в распоряжение арендодателя. Ведь в Бухарском ханстве, как мы уже отмечали выше, распорядителем урожая является не сам коранда, а амальдар, по усмотрению которого и определялась доля коранда.

Арендные отношения, как известно, предполагают личную свободу арендатора, взаимное добровольное соглашение двух формально независимых лиц.

При амляковой форме земельной собственности, конечно, и речи быть не могло о таком взаимно добровольном соглашении между крестьянином и собственником амляковой земли; не существовало и твердо установленных норм оплаты: в области взимания ренты царил полный произвол амальдаров. Правда, в отдельных районах практиковалась сдача сбора ренты в откуп, однако она не носила широкого характера.

Впрочем, даже и подходя к делу чисто формально, коранда никак нельзя назвать простым арендатором, независимым свободным лицом. Крестьянин в России был юридически прикреплен к земле, являлся неполной собственностью землевладельца и, тем не менее, имел личное хозяйство, располагал собственным личным имуществом; коранда же в Бухарском ханстве XIX в. не только был лишен права располагать продуктами своего производства, но и все его имущество юридически принадлежало государю.

Так, Ахмад Махдум в своей «Тарихчаи Бухоро» пишет: «Некоторые несправедливые мангитские ученые богословы, имея в виду свои выгоды, вынесли решение, что все имущество подданных принадлежит государю, подданные же не

имеют личной собственности, а если государь возьмет что-либо у любого своего подданного, то он возьмет принадлежащее ему, и в этом нет несправедливости и насилия»[1].

Объяснение этого можно найти в следующем высказывании Маркса: «...отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он по сути дела сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единство общины»[2].

Крепостное право, в сущности, ничем не отличалось от рабства. Ленин подчеркнул отсутствие «на практике» различий между крепостным правом и рабством»[3]. Но даже и такой крепостной, как коранда, отличался все же от раба, во-первых, тем, что амальдары имели на него лишь «право неполной собственности», т. е. не могли его продать или купить, и, во-вторых, тем, что у коранда все же была единоличная собственность (или, юридически, право пользования) на орудия производства и на его частное хозяйство, основанное на личном труде.

Несмотря на то, что юридически, как мы видели выше, все имущество коранда принадлежало амальдарам в лице эмира, практически в распоряжении коранда должен был оставаться минимум орудий труда — соха, борона, рабочий скот и т. д., без которого коранда не мог бы обработать свой участок амляковой земли.

Таким образом, фактическое закрепление коранда за амляковой землей, взимание ренты государством-собственником амляковой земли путем внеэкономического принуждения являлись характерным признаком крепостной зависимости коранда, отличающей его как феодально зависимого держателя земли от арендатора.

---

[1] Приведено у Б. Г. Гафурова (цитированная работа, стр. 389).
[2] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 26.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439.

Глава седьмая

АМЛЯКОВАЯ ФОРМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ВАССАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

Во второй четверти XIX в. развитие производительных сил страны, рост общественного разделения труда и расширение сферы товарного обращения, несмотря на наличие такого тормоза, каким являлась амляковая форма собственности, сделали в Бухарском ханстве значительный шаг вперед.

Развиваются металлообрабатывающий и кузнечный промыслы, связанные с военным делом или с выделкой предметов роскоши, оружия, мелких изделий, домашней утвари и пр. В таких крупных городах ханства, как Самарканд и Бухара, растет число не только кузнецов, но и серебренников, медников и ювелиров. Металлические изделия для земледельческого производства: мотыги, чугунные наконечники омача, арбы и прочее, — выделываются городскими ремесленниками-кузнецами. Были здесь и плотники, древоделы, строители, гончары, ткачи, кожевники, шапочники, портные и др.

Промышленная переработка продуктов сельскохозяйственного сырья носила еще более массовый характер в деревне. Она велась здесь в пределах того же земледельческого хозяйства коранда, сидевшего на амляковых землях, и не отделялась от него в качестве особого промысла.

По сообщению Л. Н. Соболева «земледелие составляет главное занятие жителей. Почти каждый земледелец в то же время... ремесленник, занимающийся разными мелкими ремеслами: при случае все семейство прядет нитки, ткет мату (грубая бумажная материя), делает мешки; пояса и проч.»[1].

Переработанные в промышленные изделия сельскохозяйственные продукты потреблялись как самими земледельцами, так и амальдарами, к которым они поступали в качестве натуральной ренты. Об этом Л. Н. Соболев пишет следующее: «В бекстве Мачинском половина хераджного сбора перекла-

[1] Л. Н. Соболев, цитированная работа, стр. 370.

дывалась на деньги, но брались не деньги, а грубая бумажная материя — мата»[1].

Обособление обрабатывающей промышленности, ремесла от сельскохозяйственного производства, при общем господстве натурального хозяйства, имело большое экономическое значение. Оно заложило основу развития внутреннего рынка, а рынок получал все большее значение для дальнейшей дифференциации хозяйства. Конечно, нельзя преувеличивать значение и размеры внутренней местной торговли феодального города Бухарского ханства. Она была невелика по размерам и весьма примитивна по ассортименту товаров.

Для прокормления города требовались продукты сельского хозяйства. Сам же город продавал продукты развивающейся в нем ремесленной промышленности. На городских базарах продавались наиболее распространенные предметы домашнего обихода и сельскохозяйственного производства: пшеница, ячмень, рис, джугара, лен, просо, хлопок, маш, кунжут и скот. Здесь же продавались изделия городского ремесла: кетмени, теши, лемеха для омачей, бумажные, шелковые ткани, халаты, обувь, тюбетейки, чалмы, шорные изделия, ножи и пр.

Товарное производство обслуживало и феодализм, как указывает И. В. Сталин. Это положение в полной мере относится к феодальному Бухарскому ханству.

Кроме местной торговли между деревней и городом значительное развитие в этот период получает и товарообмен между городами. Из торгово-промышленных центров ханства наибольшее значение имели Бухара, Самарканд, Карши, Катта-Курган и Гиссар. Торговлю во всех этих, не считая более мелких населенных пунктов, вели как всякого рода местные торговые люди, так и отдельные иностранные купцы.

Впрочем, нельзя преувеличивать ни размеров, ни оживленности и этого товарообмена. Он был затруднен из-за плохих путей сообщения и особенно в связи с громоздкостью, малоценностью и однообразием предметов торговли (на караванных путях купеческий капитал часто оборачивался один раз в полугодие, иногда и того менее). Дороги были не безопасны от грабежей. Настоятельную необходимость в таком товарообмене могло вызвать лишь отсутствие на местах некоторых важнейших предметов потребления.

Кроме того, господствующие производственные отношения, имевшие основой своей амляковую форму земельной собственности, сковывали развитие торговли, тормозя тем самым и дальнейший рост производительных сил страны. Всевозможные торговые сборы, главным из которых являлись закет и

[1] Л. Н. Соболев, цитированная работа, стр. 376.

аминона[1], тяжелым бременем ложились на торговлю и ремесленников.

Закет платился как местными, так и иностранными торговыми людьми (с иноверцев он должен был взиматься в объеме 5% от стоимости товара, тогда как с мусульман — лишь в объеме 2,5%) и сказывался на торговле тем более тяжело, что вместе с платой, установленной шариатом, сборщики закета брали взятки, или товар прямо разграблялся. Кроме того, амальдар-закетчи, взимая закет, часто не выдавал квитанции, и следующий закетчи, встретив этот товар, снова обкладывал его закетом; бывало, что один и тот же товар обкладывался закетом по нескольку раз. С установленной нормой закетчи, конечно, не считался, требуя значительно больше, чем полагалось, с тем, чтобы все излишки оставить для себя. Бухарские ремесленники и купцы буквально изнывали от непосильного закета, и многие из них разорялись.

Как мы видим, вследствие господства в стране амляковой формы собственности и системы взимания закета внутренняя торговля здесь ограничивалась преимущественно мелкорыночным, местным оборотом и не могла служить объектом приложения более или менее крупного капитала. Тем большее внимание обращал купеческий капитал на развитие внешней торговли.

Главным предметом вывоза во внешней торговле Бухарского ханства было сельскохозяйственное сырье (хлопок-сырец, хлопковая пряжа, сухие фрукты), вывозившееся преимущественно в Россию. Россия продавала Бухаре текстильные, металлические и кожевенные изделия.

В середине XIX в. торговые связи Бухарского ханства с Россией значительно оживились. Оживление это было связано как с ростом промышленности в России и увеличением ее потребности в сырье, так и с политическим объединением ханства и стремлением местного торгового капитала использовать благоприятную рыночную конъюнктуру. Вот некоторые данные о росте русско-бухарской торговли с 1833 по 1865 гг.[2] (в тыс. золотых рублей):

Годы	Вывоз	Ввоз
1833	710	350
1839	1170	638
1865	3606	1913

[1] Налог, которым облагались продукты городского производства.

[2] Данные взяты из статьи В. Рябинского «Царская Россия и Бухара в эпоху империализма», Историк-марксист, 4, 1941.

Рост торговых связей Бухарского ханства с Россией привел к значительному усилению экономической зависимости хозяйства ханства от рынков России. Когда, например, в 1861 г. ввоз хлопка в Россию из США временно прекратился и цены на него в России сильно возросли, в Бухаре отмечался значительный рост посевных площадей под хлопчатник. Товары русского происхождения получили в Бухарском ханстве самое широкое распространение. Венгерский путешественник Вамбери, посетивший Среднюю Азию в начале 60-х годов, отметил, что на базарах Бухары было мало западноевропейских изделий, да и те были привезены через Оренбург, зато было множество русских галантерейных и мануфактурных товаров.

Интересы русской буржуазии, стремившейся к расширению рынка сбыта, к захвату новых источников сырья, искавшей новые объекты капиталовложений в целях получения колониальных сверхприбылей, обусловили экспансию русского царизма в Средней Азии. Присоединение Средней Азии к России произошло в период 60—80-х годов прошлого столетия. В 1865 г. был взят Ташкент, в 1868 г. — Самарканд, входивший в то время в Бухарское ханство, и был заключен мирный договор с эмиром, остановивший дальнейшее продвижение русских войск в Бухару. Бухара превратилась в «самостоятельное» вассальное ханство.

Поражение, понесенное Бухарским ханством в войне 1866—1868 гг., открыло новую страницу в истории населения Бухары: к тяжелейшему гнету феодалов-амальдаров прибавился еще колониальный гнет русского царизма и русской буржуазии. По мирному договору 1868 г. Бухара потеряла около 1/3 своей территории, уплатила 500 тыс. рублей контрибуции золотом и предоставила русским купцам на территории ханства ряд льгот. И без того тяжелое положение трудящегося населения ханства, обусловленное монопольной собственностью амальдаров на воду, ухудшилось еще в результате потери ханством верховьев р. Зеравшан — основной артерии, питающей водой Бухарский оазис; это ставило Бухару в полную экономическую и политическую зависимость от русского царизма.

Л. Костенко в своей статье «Город Бухара в 1870 году» пишет следующее: «Относительно земледелия Бухара находится в совершенной зависимости от Самарканда, потому что Зеравшан, снабжающий водою поля, сады и огороды бухарские, верхнею половиною своего течения проходит в русских владениях. Весною, когда воды в Зеравшане немного, а потребность в ней для орошения полей огромна, Зеравшан почти весь разбирается на арыки в Самаркандском и Катта-Курганском отделах. Бухаре же вода достается лишь по просьбе тамошнего правительства, когда наши власти приказывают жителям Зеравшанского округа закрывать нарочно свои арыки, чтобы дать воде ход в бухарские пределы. Таким образом, снабжение Бухары хлебом зависит от доброй воли русского правительства»[1].

В 1887—1888 гг. через территорию Бухарского ханства была проведена Закаспийская железная дорога, соединившая Красноводск сначала с Самаркандом, а затем с Ташкентом. Постройка этой железной дороги оказала особенно большое влияние на развитие товарного обращения и рынки, вовлекая в рыночный оборот ранее не затронутые им районы, увеличивая размеры этого оборота и коренным образом изменяя всю экономику рынка.

Независимо от намерений царского правительства и русской буржуазии построенная в Средней Азии после присоединения ее к России железная дорога теснее связала Среднюю Азию со страной более развитой, в которой уже сложились и господствовали капиталистические отношения и посредством торговли с которой она могла бы быть втянута в мировое товарное обращение.

Прогрессивная роль, какую сыграло присоединение Средней Азии к России, была обусловлена ликвидацией в ней разорительных феодальных междоусобиц и непрерывных внутренних войн, ликвидацией амляковой формы земельной собственности в районах, которые непосредственно вошли в состав Российской империи. Амляковые земли в этих районах закреплялись за прежними их владельцами, они превратились в частную собственность самих крестьян[2]. Однако в этот период, как и много позднее, социальная и экономическая структура Бухарского ханства, в силу его вассального положения относительно царской России, оставалась прежней: неограниченная власть в ханстве попрежнему находилась в руках феодально-амальдарского класса, полностью сохранилась феодально-амляковая основа земельной собственности.

В 1910 г. А. Губаревич писал: «Российское владычество до настоящего времени не изменило вековых устоев земледельческой и мусульманской культуры в ханстве, исключая того явления, что с проведением железной дороги натураль-

[1] Л. Костенко, Бухара в 1870 году, Военный сборник, 6, 1870, стр. 421.

[2] Автор не занимается специально рассмотрением прогрессивной роли, какую сыграло присоединение Средней Азии к России, считая, что это может явиться предметом многих специальных исследований, и ограничивается лишь рамками взятой им темы.

ное хозяйство начало уступать место денежному, и за последнее время в ханстве собирается уже около 1 300 000 пудов чистого волокна хлопка»[1].

Усиление экономических связей Бухары с более развитым народным хозяйством России, рост товарооборота во внешней торговле между Бухарским ханством и Россией, улучшение условий связи с Россией и между отдельными районами, рост промышленности и городов — все это способствовало развитию товарно-денежных отношений в экономике Бухарского ханства, что, безусловно, исторически имело огромное прогрессивное значение, расшатывая основы амляковой формы земельной собственности.

Процесс перехода от натуральной формы взимания ренты к денежной, усилившийся в Бухарском ханстве в начале XX в., благоприятствовал значительному росту денежных отношений в деревне. Рента продуктами, как известно, предполагает натуральное хозяйство, когда «...условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»[2]. Кроме того, рента продуктами предполагает соединение земледелия с деревенской домашней промышленностью. Поэтому в состав ренты, как мы отметили выше, в большей или меньшей мере входит, кроме земледельческого продукта, и продукт промышленности, т. е. продукт крестьянских промыслов и деревенского ремесла.

При денежной ренте, которая возникает «из простой метаморфозы ренты в продуктах»[3], прибавочный продукт полностью или частично превращается в деньги, поступающие в пользу амальдаров. Маркс указывает, что при этом «непосредственный производитель попрежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину, как собственнику этого существеннейшего условия его производства, избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд, в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»[4].

Однако переход от натуральной ренты к денежной, сопровождаемый увеличением размеров ренты, в Бухарском ханстве не затронул системы самого молията. Попрежнему амлякдар со своей челядью объезжает хирманы, определяя на

[1] А. Губаревич, Что такое протекторат?, «Средняя Азия», 12, 1910, стр. 104.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 808.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 810.
[4] Там же.

глаз, по величине кучи, количество зерна или же высчитывая по площади количество хлопка, которое должно поступить в пользу эмиру, и тут же записывает их в пайгир; только рента с земледельца взимается уже не продуктами, а деньгами, в размере, соответствующем цене продуктов. «Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта»[1].

Подобная форма взимания ренты требовала, в свою очередь, определенной устойчивой цены на все виды продуктов. Поэтому амлякдар сначала должен был подсчитать общее количество продуктов, записанное им в пайгир, и сообщить эту цифру беку, бек же, собрав подобные сведения со всех своих амлякств, сообщал суммарную цифру эмиру. Одновременно раис, в обязанность которого входила проверка базарной цены каждого продукта в отдельности, представлял эмиру сведения относительно цен продуктов, предварительно проверив их в течение трех базарных дней. В результате всей этой процедуры эмир устанавливал на основании полученных им сведений какую-нибудь одну категорию цен (ту, которая была наиболее выгодна для него) и затем сообщал ее беку. Последний через амлякдаров и глашатаев (джарчи) объявлял об установленных эмиром ценах всему населению.

День получения беком письма эмира о ценах (так называемого мубарак-намэ) считался праздничным днем для всех амальдаров эмира. С этого дня амлякдары, амины и аксакалы приступали к сбору денежной ренты.

Каждый коранда, узнав об установленной вышеупомянутым порядком цене, обязан был представить аксакалу ту сумму денег, которая соответствовала стоимости причитающегося с него продукта, т. е. того, что было записано амлякдаром в пайгир при учете (на хирмане) собранного урожая. Таким образом, способ взимания ренты служил средством дополнительного усиления эксплуатации непосредственных производителей.

Денежная рента взыскивалась беспощадно, и амлякдары не останавливались ни перед какими средствами взыскания. Если у коранда не было денег, чтобы уплатить ренту, то конфисковывалось его имущество, или дочь его насильно отдавали замуж с тем, чтобы полученный калым поступил в уплату ренты, а если и этого оказывалось недостаточно, то в погашение ренты сына коранда отдавали на много лет в кабалу к какому-нибудь баю. Коранда, спасаясь от сурового наказания

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 810.

амальдаров, вынужден был продавать запасы своего хлеба: базарная цена, ввиду большого наплыва продуктов, резко падала; между тем денежная рента взималась попрежнему из расчета первоначальных, установленных эмиром цен.

Между тем, в случае неурожая, связанного, например, с появлением саранчи, когда цены на хлеб возрастали, рента взималась из расчета этой возросшей цены. Так, например, А. Губаревич пишет: «В 1892 году наш политический агент П. Л. Лессар должен был вмешаться в порядки сбора «хераджа». Дело в том, что в это время был недород хлебов, и цены страшно возросли. Тем не менее, эмир, для того, чтобы не лишиться части доходов, повелел «джарчи» (глашатаям) объявить на базаре цену хлебов, по которой должен был переоцениваться на деньги «херадж» (исчисление в натуре как часть данного урожая амлякдарами и даргами каждого селения), настолько высокую базарную цену мелочного торга, что политический агент опасался беспорядков и счел себя обязанным рекомендовать эмиру убавить, в зависимости от народного бедствия и для облегчения, эту оценку хлебов для уплаты налога. Но это единственный случай вмешательства нашего в экономические порядки ханства».[1]

Неизбежным следствием развития товарно-денежных отношений является также рост купли и продажи амляковых земель.

Как известно, по шариату амляковая земля не могла быть предметом отчуждения. Однако в силу указанных выше обстоятельств этот религиозный закон становится фикцией. Разумеется, амляковая земля стала предметом отчуждения не сразу. Сначала кази и муфти (представители духовенства), опираясь на закон шариата, запрещали населению совершать акты купли-продажи амляковой земли. Однако крупные денежные взятки, которые стали предлагаться им покупателем или продавцом, легко склоняли их к тому, чтобы примирить шариат с необходимостью торговли амляковыми землями.

Чтобы соблюсти внешние приличия, кази и муфти вместе с улемом (ученый знаток шариата) ссылались на ривоят (предание) о том, что случаи продажи амляковой земли были, например, при халифе Омаре или при Абубекре, и, хотя по шариату и не следует продавать эту землю, наличие прецендентов позволяет узаконить и новый акт продажи.

По мере развития товарно-денежных отношений купля-продажа амляковой земли стала настолько частым явлением, что земля эта уже без всяких мотивировок и ссылок могла становиться предметом отчуждения.

[1] А. Губаревич, цитированная работа, стр. 105.

Переход участков амляковой земли из рук в руки путем купли-продажи вовсе не означает, однако, права передачи собственности: амляковая земля при этом попрежнему неприкосновенно остается собственностью эмира. Актом купли-продажи в данном случае передается лишь право владения, право пользования продаваемым участком. При отчуждении амляковой земли обязанность выплаты ренты переходит от продавца к покупателю, но это не меняет природы взимаемой амальдаром ренты. Само по себе понятно, что право собственности принадлежит не тому, кто уплачивает ренту, а тому, кто получает эту ренту.

Подобно этому, например, крепостной крестьянин мог с разрешения своего господина продавать свой надел другому держателю, принимавшему на себя все связанные с наделом повинности; такие акты не меняли действительной природы ни прав крепостного на его надел, ни прав помещика на землю.

Характеризуя положение закрепощенного непосредственного производителя, Маркс неизменно подчеркивал, что при всех формах феодальной ренты — отработочной, натуральной и денежной—непосредственный производитель является лишь «владельцем», а не собственником обрабатываемой им земли, что «только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике».[1] При превращении натуральной ренты в денежную непосредственный производитель «попрежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину, как собственнику этого существеннейшего условия его производства, избыточный принудительный труд»[2].

С полной определенностью Маркс противопоставляет здесь владение закрепощенного непосредственного производителя праву собственности землевладельца, «одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство».

В начале XX в. произошло дальнейшее значительное укрепление экономических связей Бухарского ханства с Россией, главным образом в результате расширения железнодорожного строительства и усиления заинтересованности метрополии в бухарском рынке. В товарообороте между Россией и Бухарским ханством на первый план выступили в этот период проблемы вывоза в Россию хлопка. С другой стороны, в вывозе из России в Бухарское ханство наряду с промышленной продукцией метрополии все большую роль начал играть хлеб.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 356.
[2] Там же.

Существенным моментом во взаимоотношениях Бухарского ханства с Россией в этот период являлось активное вмешательство финансового капитала России в экономическую жизнь вассального ханства, главным образом путем системы целевого кредитования банками его народного хозяйства. Русские капиталовложения в Бухаре направлялись преимущественно в сферу торгового обращения, в значительно меньшей степени на промышленность и транспорт. Одной из важнейших задач, которую преследовал русский финансовый капитал, являлось превращение Бухарского ханства в хлопковую базу русской текстильной промышленности.

Местные сорта хлопка — гуза — сеялись в ханстве уже в течение сотен лет. «Несмотря на древность культуры этого растения здесь, оно имело ограниченное назначение удовлетворять исключительно местным потребностям..., насущная потребность местного, как оседлого, так и кочевого населения в одежде почти всецело удовлетворяется тканями из местного хлопка; только богатые люди дополняют свой гардероб шелковыми и привозными лучшего достоинства бумажными тканями».[1]

В начале XX в. резко усилился рост товарности крестьянского хозяйства. Крестьяне начали заниматься производством экспортного сырья, и, в первую очередь, разведением хлопка. Если в 1850 — 1860 гг. экспортного хлопка было произведено приблизительно 50 тыс. пудов, то в начале XX в. производство его достигло уже 1 200 тыс. пудов, а к 1915 г. возросло до 2 млн. пудов.

Нет сомнения, что здесь рост производства хлопка идет не за счет освоения новых земель, а за счет сокращения зерновых площадей. Американские сорта хлопка вытесняют не только местные сорта, но и зерновые культуры. Так, например, Н. Ф. Ситняковский пишет: «Вообще хлопок у жителей не покупается, а можно сказать, вырывается из рук многочисленными татарами-приказчиками русских фирм, шныряющими по всем базарам и создающими друг другу чрезмерную конкуренцию. Немудрено поэтому, что хлопок стоит всегда на самой высокой цене, как бы ни был хорош его урожай. При такой прибыльной для населения торговле хлопком большие посевы его делаются в ущерб другим. За хлопком идут посевы пшеницы для продовольствия местного населения. Недостаток восполняется большим привозом пшеницы из Самаркандской области и из восточных бухарских провинций. Ячменя и джугары засевается

[1] М. И. Бродовский, Очерк производства хлопка в Средней Азии, альманах «Средняя Азия», 1895, стр. 184—185.

мало. Бухарцы правы, что не стремятся к умножению в долине Зеравшана этих продуктов, потому что Каршинская область с избытком доставляет им ячмень по ценам очень низким»[1].

Однако, несмотря на ряд преимуществ, которые имело для земледельцев Бухары возделывание хлопка, последний все-таки очень медленно завоевывает себе место в сельском хозяйстве Бухарского ханства. Усилия русского финансового капитала, пытавшегося быстро и широко распространить хлопководство в стране, не увенчались успехом. Е. В. Бунаков приводит таблицу, характеризующую удельный вес посевов различных культур в районах Бухарского ханства (в процентах):

Наименование культур	Зеравшанский бассейн	Кашка-Дарьинский бассейн	Сурхан-Дарьинский бассейн
Пшеница	40	40	40
Прочие зерновые	16	18	34
Хлопчатник (включая туземные сорта)	25	(0,3)	2
Люцерна	5	5	5
Масличные	—	7	10
Прочие культуры	14	30	9
Итого	100	100	100

Из таблицы видно, что единственным районом, где развивалось в сравнительно больших размерах хлопководство, являлся бассейн р. Зеравшан. Постройка железных дорог и близость к упомянутому району столицы ханства — Бухары, являвшейся в то же время торговым центром страны, обусловили значительное развитие здесь товарно-денежных отношений; под влиянием этого последнего происходит здесь явное разложение амляковой формы собственности и постепенное, различными путями, превращение ее в мильковую собственность. «Именно в этой части Зеравшанской долины, — пишет Г. Пославский, — которая находится в пределах нынешнего Бухарского ханства, заключается наибольший процент земель мильковых, в окрестностях города Бухары даже редко встречается амляк».[2]

[1] Н. Ф. Ситняковский, Заметки о бухарской части долины Зеравшана, Туркестанский сборник, Ташкент, т. 437, стр.160.

[2] Г. Пославский, Бухара. Описание ее и исследование вопроса о занятии русскими, Ташкент, 1891, стр. 108.

По другим данным, мильковые земли составляли здесь 65,4%.

Следовательно, причина относительного роста хлопководства в бассейне р. Зеравшан объясняется, прежде всего, наличием здесь значительного числа мильковых земель, владельцы которых, пользуясь правом собственности, самостоятельно превращали в товар полученные сельскохозяйственные продукты.

Мильковые земли, кроме того, гораздо лучше обрабатывались и давали значительно больше урожая, нежели земли амляковые. Н. Ф. Ситняковский пишет: «Бросая взгляд на обработанные земли, нельзя не заметить, что на одних полях чудные нивы, тогда как на других — посевы во много раз хуже, и это явление замечается не только на площадях, отдаленных одна от другой, но и на смежных. Такое различие обусловливается не одними почвенными качествами и количеством воды для орошения, а главным образом способом владения землей. Все лучшие обработанные поля почти сплошь принадлежат счастливым владельцам мильковых земель, которые или вовсе не платят поземельных податей, или, если и платят, то сравнительно с плательщиками государственной и вакфной подати (амляк и вакф) мало. Мильковых земель в области нижнего Зеравшана весьма много; они раскинуты повсюду и настолько резко разнятся своим превосходством от амляковых и вакфных, что безошибочно определяются по одному виду»[1].

Что касается других районов, далеких от центра — Каршинского, Сурхан-Дарьинского и так называемой Восточной Бухары, то, несмотря на благоприятные климатические и почвенные условия этих районов, население здесь, как видно из таблицы, хлопка почти не сеяло. Такое положение обусловливалось влиянием преобладающих в этих районах амляковой и вакфной форм собственности. «В Восточной Бухаре..., — пишет Б. Г. Гафуров, — эмирских земель было 12,1 проц., амлячных — 55,8 проц., вакфных — 24,2 проц., мильковых — не более 2—3 проц.»[2]. В таком же примерно состоянии находились и юго-восточные районы ханства.

Таким образом, основной причиной отсутствия посевов хлопка в этих районах ханства является господство здесь амляковой формы собственности. В связи с этим нельзя не отметить ошибочности взгляда Е. В. Бунакова на этот вопрос. Ограниченность развития хлопководства в бассейне

[1] Н. Ф. Ситняковский, цитированная работа, стр. 161.
[2] Б. Г. Гафуров, цитированная работа, стр. 422.

р. Зеравшан и почти полное отсутствие посевов хлопка в других районах ханства Е. В. Бунаков пытался объяснить плохими транспортными условиями и ничтожным количеством хлопкоочистительных заводов, или же естественными условиями этих районов, например, резким недостатком воды.

Он пишет: «Почти полное отсутствие хлопководства в других районах объяснялось в первую очередь весьма скверными здесь транспортными условиями для перевозки такой высокотоварной культуры, как хлопок, и ничтожным количеством хлопкоочистительных заводов»; дальше, касаясь хлопководства в Зеравшанском бассейне, он говорит: «Дальнейший рост хлопководства в Зеравшанском бассейне упирался в резкий недостаток воды».

Из этого высказывания Е. В. Бунакова видно, что причины, задерживающие развитие хлопководства в Зеравшанском бассейне, он сводит к «резкому» недостатку воды, забывая при этом ту элементарную истину, что наличие воды само по себе еще не является определяющим фактором в развитии хлопководства. Дело не в недостатке воды, а главным образом в способах ее использования, дело в том, в чьих руках находится распределение воды.

Что же касается почти полного отсутствия посевов хлопка в других районах, то и его также нельзя объяснить плохими транспортными условиями или недостатком хлопкоочистительных заводов. Нетрудно представить, что наличие хороших транспортных условий и достаточного количества хлопкоочистительных заводов само было бы обусловлено развитием хлопководства.

Чрезвычайно медленное внедрение хлопководства в Бухарском ханстве следует искать прежде всего в самой системе эксплуатации непосредственного производителя господствующим классом — классом феодалов-амальдаров. На самом деле, какой земледелец станет сеять хлопок, если он не имеет даже права приступить к сбору урожая до тех пор, пока амлякдар не определит размеров причитающейся с земледельца ренты! При этом нередко оказывается, что размеры ренты превышают стоимость урожая — в результате производитель окончательно разорен.

На то, что размеры ренты и способ ее взимания амальдарами становились преградой к развитию хлопководства в Бухарском ханстве, указывает автор отчета о ревизии Туркестанского края: «...распространению американского хлопка препятствует способ взимания податей с него, а именно по бухарскому обычаю требуется, чтобы чиновники определили урожай на корню. Между тем чиновники часто бывают неаккуратны в

своих приездах, и американский хлопок портится, не будучи снят немедленно по вызреванию».

Этого факта не отрицает даже буржуазный писатель С. И. Гулишамбаров. Он пишет: «Несмотря на ряд преимуществ американских семян, последние очень медленно завоевывают себе место в земледельческой культуре Бухарского ханства. Главной причиной этого является способ взимания поземельного налога в пользу эмира»[1].

Увеличение размеров хлопководства в бассейне р. Зеравшан и все большее вовлечение других районов в товарооборот внутри страны наметило тенденцию образования единого внутреннего рынка. С другой стороны, этому способствовало и расширение экономических связей ханства с центральными районами России, являвшимися не только потребителем хлопка, фруктов, кож, шерсти и другого сырья, но и основным поставщиком промышленных товаров.

Среди вывозимого Россией сырья попрежнему важное место занимал хлопок. Скупка хлопка, как и прочих продуктов сельского хозяйства, производилась путем выдачи производителям авансов под будущий урожай.

Об этом свидетельствует следующий документ: «Житель Кермине Мирза-Яхья вместе с одним-двумя татарами в базарные дни приезжал за покупкой хлопка. А теперь упомянутые баи вместе с Мирза-Яхья стали привозить семена американского хлопка и, выезжая в деревни Хатырчи, в соответствии с размерами земли каждого собственника стали раздавать эти семена и теньги и заносить имя каждого получателя тенег в списки. В новый год по мере созревания хлопка на мильковых землях они намерены установить на него цену и затем приобретать его. В настоящее время собственникам мильковой земли выдано около одного лака[2] тенег, и эта выдача все еще продолжается для желающих. Впоследствии предполагается также раздача тенег и семян владельцам амляковых земель».

Посредством финансирования хлопкоробов русский капитал старался стимулировать развитие хлопководства в Бухарском ханстве.

Торговый и торгово-ростовщический капитал в Бухаре находился в полном подчинении у банковского капитала, который, проникнув в Бухару, стал захватывать командные высоты в бухарской экономике. Особенно активен был в этом отношении Русско-азиатский банк. В 1912 г. он через своего представителя, инженера Ковалевского, получил разрешение на сооружение Бухарской железной дороги. В 1913 г. Бухарское ханство сдало в концессию 10 тыс. десятин земли некоему Стовба, являвшемуся агентом Русско-азиатского банка. В 1915 г. инженер Ковалевский получил 34 тыс. десятин земли в концессию, которую он вскоре «переуступил» торгово-промышленному товариществу, созданному при содействии Русско-азиатского банка.

В 1911 г. в Бухарском ханстве появилось отделение Азовско-Донского банка, который был связан с финансированием хлопчатобумажной промышленности Петербурга и Западного края. Русский для внешней торговли банк сосредоточил в своих руках кредитование торговли бухарским каракулем. Сибирский торговый банк, отделение которого открылось в 1912 г., сосредоточил свое внимание, помимо хлопка, на операциях с мануфактурой.

Русский торгово-промышленный банк, зависевший от английского капитала, финансировал акционерное общество «Ширабад», которое получило в Бухарском ханстве в концессию 72 тыс. десятин земли.[1]

Проникновение в Бухарское ханство банковского капитала означало появление новых форм эксплуатации бухарского сельского населения, существовавших наряду с феодальной формой.

В качестве агентов русских банков выступали многочисленные бухарские теразудары, пахтакеши и баи, а также большое количество бухарских купцов. Так возникла в Бухарском ханстве категория посредников, которые находились в зависимости от российских банков, торгово-промышленных фирм и контор и, в конечном счете, служили российскому финансовому капиталу в роли компрадорской буржуазии.

Кредитование хлопкоробов осуществлялось путем выдачи задатка под хлопок собственнику мильковой земли; милькдары, получившие кредит, обязаны были весь свой урожай хлопка продать кредитору по цене, назначенной хлопковой фирмой. Вполне понятно, что кредит выдавался под высокие проценты. По данным, приведенным Е. В. Бунаковым, годовой процент по авансам доходил до 100, «однако, бухарские ростовщики брали и еще более высокие проценты, составлявшие 5 проц. в среднем в неделю или 260 проц. годовых».

Выдавая задатки хлопкоробам, посредник тем или иным способом добивался получения от должников официаль-

[1] С. И. Гулишамбаров, Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой (Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханства), Асхабад, 1913, стр. 211.

[2] 100 тыс. тенег.

[1] См. А. Рябинский, Царская Россия и Бухара в эпоху империализма, Историк-марксист, 4, 1941, стр. 5.

ного документа (васика) на право владения всей землей, оформляемого кази. В случае, если стоимость урожая не восполняла задаточной суммы, у должника отбирался живой и мертвый инвентарь, а также и сама земля. Закабаление основной массы мелких милькдаров-хлопкоробов баями, компрадорами, имело своим следствием рост в Бухарском ханстве относительно крупного землевладения, так называемых мильковладельцев. Таким образом, «счастливые» милькдары, выделившиеся тем или другим способом из массы амляковладельцев и превратившиеся в самостоятельных земельных собственников, освобожденных от уплаты всякого рода ренты, теперь попадали в цепкие руки ростовщиков-компрадоров; проценты, которые приходилось им выплачивать, не уступали взимавшейся амлякдарами ренте.

Тем не менее распространение мильковых форм землевладения, введение на мильковых землях хлопководства и связанная с ним система кредитования, улучшение урожайности земли и появление конкуренции — все это по сравнению с условиями амляковой системы было значительным шагом вперед.

Иную картину можно было наблюдать в районах, где амляк сохранился как господствующая форма землевладения. Здесь компрадоры лишены были возможности вкладывать свой капитал в кредитование хлопкоробов, хотя спрос на него был здесь не меньше, чем на мильковых землях. Это объясняется тем, что на амляковых землях урожаем распоряжался амлякдар и по его же усмотрению определялась доля самого производителя; остальной урожай, как известно, шел в качестве ренты в пользу амальдаров. При такой системе взимания ренты производитель, доведенный до состояния полной нищеты, не обладал никакими материальными ресурсами, которые могли бы служить гарантией при выдаче ему задатка.

Само собою разумеется, что, не имея наличных кредитов, коранда не мог заниматься хлопководством, ибо, как известно, нет растения, которое требовало бы такого интенсивного труда и такой предварительной затраты средств, как хлопчатник. Между тем произвол амлякдаров закрывал дорогу на амляковые земли любым кредитам, не давал возможности осуществлять на этих землях какие бы то ни было улучшения. Вот почему до самого дня свержения эмира амляковая земля почти вся использовалась под посев зерновых культур.

Этот факт еще раз неопровержимо доказывает, что главной и основной причиной сельскохозяйственной отсталости Бухарского ханства, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца являлась амляковая форма земельной собственности.

Рост товарности крестьянского хозяйства, естественно, усилил еще более эксплуатацию и закабаление непосредственных производителей на амляковой земле; нужда в деньгах все чаще заставляла коранда обращаться к ростовщикам.

В сфере амляковых земель ростовщики выжимали из земледельцев сверхприбыли в форме ростовщического процента и отличались от ростовщиков-компрадоров мильковых земель тем, что здесь ростовщиков не интересовал процесс самого сельскохозяйственного производства; ссужая свой капитал, они не ставили никакой специальной цели, например, заменить посевы зерновых культур посевами хлопка; их целью было лишь получение прибыли, чего они и достигали, выжимая последние соки из земледельца и заставляя «воспроизводство совершаться при все более жалких условиях».[1]

Следует здесь отметить, что мусульманам взимать процент с ссужаемых ими денег было шариатом формально запрещено; видимо, поэтому в стране было много денежных ростовщиков-индусов. Шариат однако не запрещал продавать имущество или отдавать товары в залог, что было впоследствии использовано частью торговцев: ссуда выдавалась ими не в виде денег, а в виде товаров. Таким образом, наряду с денежными ростовщиками-индусами появились ростовщики, ссужающие товары.

Различие между ними, конечно, чисто внешнее, по существу они принадлежали к одной и той же ростовщической категории. «Если в ссуду дается товар как капитал, то он является,— пишет Маркс,— лишь замаскированной формой денежной суммы»[2].

Ростовщические сделки совершались чаще всего в период, когда начиналось взимание ренты, когда свора амальдаров обрушивалась на производителя, не останавливаясь ни перед какими мерами: отбирали его последний кусок хлеба, продавали его живой и мертвый инвентарь. Вполне понятно, что полуголодный коранда, не располагавший никакими средствами спасения от амальдаров, вынужден был обращаться к ростовщикам, брать их товар на предлагаемых ими условиях, лишь бы спасти, хотя бы временно, свое жалкое хозяйство от окончательного разорения. Воспользовавшись безвыходным положением земледельца, ростовщики ссужали ему свои товары под высокие проценты.

«При отпуске товара в долг, цена на него ставится прямо

[1] К. Маркс, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 610.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 372.

пропорционально сроку, на который он выдается. При продаже за наличные деньги кусок тика идет за 35 — 40 тенег (5 р. 25 к.— 6 р.), давая 1 р. 75 к. убытка продавцу, при мене на сырье 50 тенег, т. е. «барабир» (одно на одно), при отпуске в долг на месяц — 60 тенег (9 рублей); на два — 65 тенег (9 р. 75 к.), на 6 месяцев — 70 тенег (10 р. 50 к.), а на год 80 — 100 тенег, смотря по вдохновению...».[1]

Но земледельцам, сидевшим на амляковых землях, не всегда легко было получить товар в ссуду, ибо продукт их труда принадлежал амальдарам, и экономическое их положение мало отличалось от положения обыкновенного раба. По этим причинам, как нами было отмечено выше, компрадоры и не кредитовали таких земледельцев-хлопкоробов. Тем менее решились бы рисковать своими товарами ростовщики, если бы не своеобразное «посредничество» амальдаров.

Ссужая свой товар, ростовщики требовали от земледельца авторитетного поручителя из числа амальдаров; «чаще всего поручителем является,— пишет Тимофеич,— его мирахур (вроде волостного старшины), который, если не получит в срок долга, заставит работать на себя в виде процента вперед до полной уплаты...».[2] За авансированный ему ростовщиком товар коранда был обязан не только выплатить полуторную или двойную стоимость товара, но, в случае отсрочки выплаты, был обязан также работать у своего поручителя до полного погашения долга. Таким образом, помимо выплаты обычной амляковой ренты, коранда вынужден был отдавать свой прибавочный труд не только ростовщику, но и амальдару: первому — в форме процентов, второму — в форме барщины.

Товар, поступивший в распоряжение коранда, шел не для потребления самого коранда, а в качестве ренты в пользу амальдаров, в погашение его задолженности по выплате ренты. Так, например, тот же Тимофеич пишет: «Взяв в долг, предположим, тик по 80 тенег за кусок, дает его амлякдару или казию, которые принимают его по оценке не дороже 35 тенег, а через час-два или на следующий базар амлякдар или казий отправляют этот же тик к этому же купцу и получают за него 40 тенег, а последний почти сейчас же выдает этот же товар опять в долг какому-нибудь другому... попавшему «в беду» по 70—80 тенег за кусок. Одним словом, 20—30 кусков тика или чита путешествуют от лавки купца к амлякдару и обратно...»[3].

Торгово-ростовщический капитал вовлекал в сферу своего действия самые отдаленные районы Бухарского ханства. Так, например, в 1906 г. Р. Ю. Рожевиц писал: «...рядом с постоянными торговцами, имеющими свои лавки на базаре, есть еще и другие, приезжающие в Бальджуан только изредка и часто продающие товары в кредит... Приезжают эти торговцы обыкновенно раннею весной, привозят массу всякого товара и предлагают его в обмен на пшеницу, шкуры, скот и т. п., причем в уплату принимают даже только что засеянные поля. Эти, на вид выгодные условия, и приводят недальновидных бедняков в безвыходное положение. Дело в том, что в случае неуплаты в срок, бедняку грозит суд, а при том взяточничестве, которое развито в Бухаре, ему и думать нечего о благоприятном для него исходе дела. Чтобы избежать суда и вместе с тем успокоить кредитора, он уплачивает, что может, за взятый когда-то товар и делает новое долговое обязательство уже на совсем невыгодных условиях. При новом платеже повторяется та же история и т. д. до тех пор, пока бедняк не дойдет до той крайности, что принужден продать не только все необходимое, но даже и жену, и поступить в работники»[1].

Эта цитата ярко показывает, что натурально-патриархальный быт населения даже таких отдаленных горных районов, как Бальджуан, разрушается под влиянием развившихся в сельском хозяйстве товарно-денежных отношений; земледельческое хозяйство становится все более и более товарным, а земледелец оказывается в зависимости не только от амальдаров, но и от торговцев-ростовщиков.

Под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений значительно изменяется и прежнее положение амальдаров. Они теперь уже являются не только феодалами, но и владельцами известного капитала. Источником их доходов становится уже не только выколачиваемая ими из коранда рента, но и капитал, который они выдают в качестве ссуды под большие проценты тем же самым коранда. Часто амальдар и бай объединяются в одном лице; амальдар как носитель политической власти и феодал становится в то же время владельцем амляковой земли; одновременно он выполняет и функции ростовщика. Стало быть амальдар сначала отбирает у земледельцев весь прибавочный продукт их труда в форме денежной ренты, а потом дает эти же деньги взаймы под ростовщические проценты, «чтобы таким образом дать им возможность уплатить новые поборы»[2].

---

[1] Тимофеич, Пульс Бухары, Туркестанский сборник, т. 545, стр. 175.
[2] Там же.
[3] Там же.

[1] Р. Ю. Рожевиц, Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г., Известия Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. 44, СПб., 1909, стр. 624—625.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 423.

Однако, как мы уже указывали выше, денежное ростовщичество было шариатом запрещено. При нарушении этого установленного шариатом закона амальдар не мог избегнуть наказания раиса (мухтасиба) или эмира. Поэтому для размещения своих денег ему приходилось итти на всевозможные уловки и хитрости. Одной из таких уловок была замаскированная форма выдачи денег под залог земли с уплатой процента. Об этом говорит следующий документ: «Я продал со всеми правами и преимуществами Ибрагимбеку 4 танапа земли с постройкой, затем эту самую землю от него я взял в аренду с условием платить ему ежегодно 6 манов зерна»[1]. Выданная под залог земли ссуда, как видно из документа, показывается в виде продажной цены на землю, а процент, поступающий в уплату этого долга, — в виде арендной платы, в данном случае 6 ман зерна.

Таким образом, ссужая деньги под земельное обеспечение, амальдар мог быть вполне спокоен, ибо, с одной стороны, по документу хозяином земли являлся он, с другой же стороны, получая от должника процент в форме арендной платы, он никак не нарушал закона шариата, — ссуду свою он в любое время мог беспрепятственно, в «законном» порядке, взыскать с должника.

Постепенно, завязывая все более тесные связи с торговцами, с рынком, амальдары во все большем объеме реализовали продукты, получаемые в виде ренты от крестьян. Тем самым и эксплуатация последних получила дополнительный толчок; амальдары были теперь заинтересованы не только в увеличении размеров ренты, количества получаемых продуктов, но и усиленно прибирали к рукам орошаемые земли, — путем скупки, а иногда и насильственного захвата их у разоряющейся бедноты.

А. Губаревич-Радобыльский пишет: «В Бухаре каждый сановник есть в то же время торговец, не исключая и эмира, и каждый купец старается поместить свои сбережения в земельную собственность и скупает участки садов, где только может. В окрестностях столицы кази-каляна — верховного судьи — нам лично известно свыше 10 отдельных участков садов и виноградника по 5—10 десятин каждый»[2]. Далее он сообщает, что «в ханстве весьма большой процент жителей составляют не имеющие земли сельские рабочие, голытьба городов и деревень, ютящаяся в саклях горожан-ремесленников и землевладельцев в качестве дальних родственников. Процент безземельных в ханстве не ниже примерно 25 проц. числа жителей сельского состояния»[1].

Однако рост товарно-денежных отношений и, как следствие этого, образование массы безземельного населения в Бухарском ханстве, сами по себе не могли еще породить в деревне капитализма. Капиталистическое производство, как известно, вырастает из товарного производства, но оно начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Социальная структура деревни в Бухарском ханстве до революции отличалась значительной сложностью. Эта сложность усугублялась еще тем, что освобождающаяся часть сельского населения не могла быть занята в крайне слабо развитой промышленности страны. Это последнее обстоятельство было особенно важным в отношении сельскохозяйственного производства. Не имея возможности уйти в город и стать наемным рабочим, разоряющийся крестьянин вынужден был сидеть на небольшом клочке амляковой земли, влача полуголодное и нищенское существование.

Наличие довольно многочисленной, постоянно пополняющейся армии малоземельных или безземельных крестьян являлось важнейшим условием сохранения и консервирования докапиталистических отношений эксплуатации. Именно благодаря этому владельцы амляковой земли — амальдары, торговцы, ростовщики, баи — имели возможность сдавать свои амляковые земли в аренду на кабальных условиях.

«Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению»[2].

Приведенное высказывание В. И. Ленина в полной мере можно отнести и к арендным отношениям в Бухарском ханстве. Прежняя форма аренды, существовавшая в Бухаре до того, как последняя оказалась в состоянии вассальной зависимости от России, подверглась значительным изменениям, но сохранила в основном черты докапиталистической, фео-

[1] Архив кушбеги.
[2] А. Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905, стр. 26.

[1] А. Губаревич-Радобыльский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905, стр. 33.
[2] В. И. Ленин, Соч., том 15, стр. 78.

дальной аренды: чайрикерство в самых его разнообразных формах.

Условия издольной аренды амляковых земель, при которых на долю чайрикера приходилось от 1/3 до 1/2 урожая, были, конечно, чрезвычайно выгодны владельцам амляковых земель. В то же время такая аренда ложилась необычайно тяжелым бременем на плечи разорявшихся крестьян, вынужденных на кабальных условиях работать на владельца амляковой земли. При этом весь полученный продукт, как правило, делился на три части: на долю владельца, долю эмира и долю чайрикера. Часть, получаемая чайрикером, представляла собою необходимый продукт, или как бы натуральную заработную плату. Прибавочный же продукт труда чайрикера частью присваивался владельцами амляковой земли в качестве арендной платы, частью же поступал в качестве ренты в пользу класса собственников амляковой земли — феодалов-амальдаров. Кроме того, множество документов свидетельствует о том, что когда владельцем амляковой земли являлось лицо из числа самих амальдаров, то земля его приравнивалась к землям милька, т. е. освобождалась от взимания всякого рода хераджа. В этих случаях полученный продукт делился лишь между владельцем амляковой земли — амальдаром и арендатором — чайрикером.

А. Губаревич-Радобыльский сообщает о еще одной любопытной форме докапиталистической эксплуатации крестьян: о сдаче им в аренду за известную долю урожая или барщинную отработку рабочего скота. «Иногда встречается более тяжелая система найма одних волов, при которой за день работы на них, нанявший волов платит своими двумя днями работы на поле того, у кого он их нанял».[1]

---

[1] А. Губаревич-Радобыльский, цитированная работа, стр. 47.

Глава восьмая

ТАНХО КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА АМЛЯКОВОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Амляковая земля являлась для эмира не только источником получения ренты, но и объектом земельных пожалований. Институт этих пожалований в Бухарском ханстве — явление не новое. Под разными названиями он существовал и раньше и уходит своими корнями в далекое историческое прошлое.

Известный русский историк М. Ковалевский, касаясь первоначального возникновения на Востоке института пожалований, пишет следующее: «Опираясь на свидетельства Якута насчет ходившего в его время предания о представлении в округе Мекки одного участка земли в икта' правителем Иемена персидским царем Кушру, фон Тишендорф справедливо высказывает мнение о первоначальном возникновении только что описанных нами видов икта' в пределах персидской монархии и зависимых от нее стран задолго еще до времени появления Магомета ...

Персидская система раздачи икта' во временное и пожизненное пользование возникла в калифате не ранее воцарения Османа. Широкое применение она получила в правление омейядов, в особенности же при аббассидах. Последние, овладевши престолом благодаря поддержке персидских войск (из Хоразана), поспешили применить к членам их вынесенную ими из их родины систему. От арабов обычай наделения воинов правом пожизненного пользования доходами с известных земель в форме натуральных и денежных поступлений с их владельцев перешел к постепенно сменившим их владычество монголам и туркам. Мы найдем его поэтому в полном действии одинаково в Индии и в Алжире»[1].

---

[1] М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. 1, М., 1879, стр. 123.

Вопреки утверждениям некоторых ученых, считавших появление и распространение института пожалований следствием завоевания Средней Азии турками или даже монголами, М. Ковалевский указывает на его существование в Персии еще до арабского завоевания. Можно полагать, что институт икта' существовал в этот период и в Средней Азии. Следовательно, этот институт был заимствован арабами у других народов и они впоследствии только воспользовались им, раздавая целые деревни и районы в виде пожалований — как представителям арабской знати, так и представителям местных аристократических слоев, — в целях создания себе опоры в завоеванных ими странах.

В XI в. институт пожалований в виде икта' был особенно широко распространен в государстве караханидов и в последующий период существовал также в государстве сельджукидов. Характеризуя институт икта' периода сельджукского государства, проф. А. А. Семенов пишет: «При сельджуках же, сменивших газневидов, земельные пожалования, так называемые икта' (اقطاع), были обычным явлением и производились в широких размерах, причем земли отводились населенные, жители которых обязаны были давать икта'дару (пожалованному землей) определенный налог; на него он только и мог рассчитывать»[1].

Однако, характеризуя институт икта' в период государства сельджуков и признавая факт взимания икта'дарами «налога» с крестьянства, проф. А. А. Семенов тем не менее решительно отвергает феодально-крепостнический характер института икта'. Он пишет: «В действительности, как мы видели, икта'дару давалось во временное или пожизненное пользование только право собирать в свою пользу подати с определенного участка населенной земли; ни о каком феодализме, крепостном праве или барщине здесь не могло быть и речи»[2]. Это утверждение не выдерживает критики. Ф. Энгельс, имея в виду широкое распространение в странах Востока после турецкого завоевания земельных пожалований, в том числе и таких, как икта', квалифицирует их как «особого рода землевладельческий феодализм».

Институт пожалований не являлся чем-то вечным и неизменным. В зависимости от изменений экономических условий жизни народов Средней Азии на разных ее этапах он принимал различную форму и различные названия.

Тот факт, что после завоевания Средней Азии монголами ими был использован ранее существовавший здесь институт

[1] А. А. Семенов, цитированная работа, стр. 126.
[2] Там же, стр. 28.

икта', подтверждается прежде всего тем, что Рашид-Ад-дин в своем описании известной реформы Газан-хана о наделении войска землей принимает для обозначения этих пожалований старый арабский термин «икта'»[1].

В последующий период в дошедших до нас источниках термин «икта'» заменяется термином «суюргаль». Земельные пожалования в виде суюргаля связаны главным образом с именем Тимура: укрепляя свою обширную империю, он широко пользовался ими. Чем, однако, была вызвана замена института икта' суюргалем и какие изменения происходили в связи с этим в структуре самого феодального землевладения, нам неизвестно. Это особая тема, которая еще ждет своего исследователя. Не вызывает сомнения лишь то, что при Тимуре и тимуридах в качестве суюргаля жаловались отдельные деревни, тумены и целые области (главным образом военачальникам за те или иные их заслуги), причем пожалования эти носили наследственный характер в отличие от икта', являвшегося пожизненным пожалованием.

Институт земельных пожалований, существовавший в Средней Азии в раннем средневековье в виде икта', а при тимуридах — в виде суюргаля, получил дальнейшее развитие в Бухарском ханстве под названием «танхо».

Основную массу танходаров составляли те служилые люди, которые несли у хана личную военную или гражданскую службу, получая от него в виде вознаграждения за службу во временное или пожизненное владение (танхо) обрабатываемые крестьянами участки амляковой земли. Вместе с амляковой землей часто передавались в танхо также и мельницы.

В первой четверти XIX в., в правление эмира Хайдара, бекам, отдельным представителям феодальной племенной знати и военачальникам раздавались в качестве танхо целые деревни и вилайеты. Танходары собирали ренту в свою пользу при условии содержания ими определенного числа ратников, нукеров, ильгаров[2]. Так, например, во всех относящихся к тому времени ярлыках на управление вилайетами Нур-Ата, Насаф, Хазар значится: «Упомянутому Хакиму надлежит взимать с указанного вилайета херадж по обычаю, употребляя его на содержание себя и войска, и заботясь о хорошем обеспечении последнего». То же значится и в других ярлыках, трактующих о херадже и описывающих организацию и формы снабжения войска в этот период.

Земли, принадлежавшие узбекским племенам и родам и впоследствии ставшие амляковыми или государственными,

[1] См. Рашид-Ад-дин, Сборник летописей, т. III, 1946, стр. 280.
[2] Лучшие, передовые люди ополчения.

также являлись в Бухарском ханстве объектом феодальных пожалований. Назначая родовых беков из числа знатных членов рода, эмир жаловал им в танхо земли, занимаемые и обрабатываемые членами их рода. Однако танхо, как сказано, являлось формой временного или пожизненного поместного землевладения, в то время как власть родовых феодалов-беков, ранее являвшихся независимыми, была наследственной; поэтому пожалование танхо родовым бекам каждый раз особым указом эмира передавалось от отца к сыну, не выходя за пределы рода. При указанных условиях пожизненное пожалование фактически превращалось в наследственное и скорее напоминало вотчинное, а не поместное землевладение, хотя юридически оно и сохранялось в форме последнего. Об этом свидетельствует следующий указ эмира Хайдара: «Да будет Вам известно, что Кабил-бек, сын Адил-бека, назначен на место его отца родовым беком рода Альчин в Кермене. Мы, пожаловав его, передали ему ранее принадлежавшие его отцу одну мельницу и два джуфти-гава земли[1] в танхо. Передайте ему мельницу и два джуфти-гава и руководствуйтесь настоящим указом».

Назначая родовых беков из числа привилегированных членов рода и жалуя им в танхо участки амляковой земли, эмир преследовал цель обеспечить с их помощью мобилизацию ополченцев — членов их рода (так называемые кара-чирики) на случай войны с внешним врагом или для подавления бесконечных восстаний других, более крупных племен,—восстаний, вызванных неимоверно тяжелым гнетом налогов. По поводу таких восстаний эмир Хайдар в письме к своему беку Саид Ахмед-ходже пишет: «знайте, что источниками смуты являются Кызыл-Ай Аки, Уки и Аджи. Эти три племени издавна смутьяны. Эти три племени, будь они суфий, будь они праведники — все равно, по милости божьей, не избегнут наказания. А на другие племена лучше не нападать».

Снаряжение кара-чириков родовыми беками обычно сопровождалось сбором военных налогов в виде продуктов или определенной денежной суммы (так называемый «джу'л»). На это указывает, в частности, следующий документ: «Да будет вам известно, что джу'л населения Кармине исчисляется в 150 теллей, джу'л населения окрестности Панджамбе — в 150 теллей, джу'л населения Катта-Кургана — в 320 теллей, джу л Джалаиров Панджамбе — в 125 теллей, Удж-уруков — в 400 теллей, населения Янги-Кургана — в 30 теллей, киргиз — 150 теллей, Кункрат — 50 теллей, Сарай — 50 теллей, Альчин — 30 теллей, Крант — 150 теллей, Джут — 40 теллей,

[1] Около 100 танапов земли.

Метани-кермине — 10 теллей, Минг — 8 теллей, Дурман — 6 теллей, Баркут — 100 теллей, Уз — 2 телля. Надлежит собрать каждому свой джу'л и кара-чириков и, взяв с собой, направиться в Джам».

Из этого документа явствует, что расходы, связанные с ведением войны, производились не только за счет хараджа, собираемого беками вилайетов или самим эмиром. Они производились также за счет особого военного налога — джу'л, которым облагалось как городское, так и сельское население.

Таким образом, каждый родовой союз и его члены несли на себе тройную тяжесть: 1) в качестве кара-чириков, надолго отрывавшихся от семьи и запускавших свое хозяйство; 2) в качестве плательщиков хараджа и других видов налога; 3) в качестве плательщиков военного налога — джу'л.

Родовые беки сами стояли во главе своих кара-чириков. Таким образом, в их руках была сосредоточена и власть экономическая и власть военная — распоряжение преобладающей массой феодального ополчения кара-чириков,— и, наконец, политическая власть.

Фактически они являлись полунезависимыми феодалами и часто уклонялись от выполнения своих обязанностей, не являясь на службу. Это подтверждается следующим приказом эмира Хайдара: «Пошлите одного человека миром Ишкали, чтобы они во время явились к стремени господина и не опаздывали. Каждый из них пользуется 3—4 пайкалами танхо, однако, во время на службу не являются. Затем, посоветовавшись с мирами Карши и наметив пути похода, назначайте место встречи. После того, как они соберутся в одном месте, согласуйте свой поход».

Поэтому при малейшем ослаблении центральной власти каждый из этих родовых беков был готов организовать восстание, перебить или изгнать эмирскую администрацию и объявить себя независимым феодальным владельцем своей родовой земельной территории, превратив ее в свой наследственный удел. Все это неизбежно приводило к полной разобщенности и изолированности родовых, так сказать, «удельных» бекств.

Наибольшей независимостью отличались беки, стоявшие во главе крупных родовых объединений, занимавших обширную территорию. Таковыми являлись племена хитай-кипчак, кенегесс, юз, минг и др. Все они входили в состав так называемых «семи племен», доставлявших множество хлопот владетелям Бухарского ханства.

А. Федченко писал: «Ургутские беки, принадлежавшие к узбекскому роду минг, владели Ургутом наследственно. Таких наследственных бекств, стоявших только в некоторой за-

висимости от эмира бухарского, было в пределах ханства несколько; таковы бекства: Шахрисябзское, Ура-Тюбинское и Ургутское. Временами они сбрасывали и последнюю тень зависимости от эмира, и это было причиной беспрерывности войн между ними и Бухарою»[1].

Непрерывные феодальные войны между удельными беками, а также между удельными беками и эмирами, и продолжающееся дробление отдельных феодальных родовых владений истощали страну, приводили ее к полному разорению, к нарушению всяких внутренних экономических и культурных связей, что характерно для этого периода.

Со смертью эмира Хайдара процесс распадения ханства усиливается, как в результате развития упроченной им формы землевладения — системы танхо наследственно-вотчинного типа, так и вследствие начавшейся борьбы за престол. В течение немногих месяцев на бухарском престоле сменились два эмира, его сыновья — Хусейн и Омар. Эмир Насрулла, захвативший власть в результате убийства своих братьев, в течение первого месяца своего царствования казнил ежедневно по 50 — 100 человек.[2]

Вообще в истории Бухарского ханства ни один правитель не вступал на престол иначе, как после продолжительных кровопролитий, благодаря поддержке со стороны большего или меньшего числа представителей господствующей феодальной знати и придворных сановников. Поэтому первым делом нового правителя являлось признание прав на землю одних, поддерживавших его, и лишение земли других, враждебных ему представителей феодальной знати.

Эмир Насрулла, вступив на престол в 1826 г. при поддержке крупной феодальной аристократии из племени Мангит, застал центральную власть в ханстве поколебленной в самых ее основах. Танходары его отца — беки вилайетов и феодальная знать — давно стремились превратить танхо в вотчинное землевладение. Располагая всей полнотой прав феодальных владельцев и пользуясь шатким положением центральной власти в связи с междоусобной борьбой, они объявили себя независимыми. Вместе с экономическим обособлением родовых бекств изменился и характер власти родовых беков. Прежняя тенденция к централизации власти в руках эмира сменяется противоположной тенденцией к распадению ханства на ряд независимых уделов, личных вотчинных владений родовых беков.

[1] А. Федченко, Записки о Магианском бекстве. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, СПб., 1873, стр. 53.

[2] См. «Историю народов Узбекистана», т. II, АН УзССР, Ташкент, 1947, стр. 166.

Чтобы ликвидировать политическую и экономическую раздробленность ханства, покончить с независимостью удельных беков, положить конец сепаратизму феодальной знати, эмир Насрулла конфисковал имущество той феодальной знати, которая не повиновалась эмиру, и повел упорную борьбу за объединение в единое государство независимых вилайетов. Он беспощадно расправлялся с враждебными ему беками; имения их конфисковывались в пользу эмира; те родовые беки, которых он подозревал в стремлении объявить себя независимыми после его смерти, ссылались или подвергались казни.

А. Федченко в заметках о Магианском бекстве пишет: «Перед своей смертью он (эмир Насрулла. К. М.) приказал Адиле-первоначу и его брату Аллияр-инаку, бывшему беком в Магиане, прибыть в Бухару и из боязни, что они после его смерти объявят себя независимыми, велел их зарезать»[1].

Таким образом, в правление эмира Насруллы была в значительной части уничтожена политическая независимость феодальной знати, бывших удельных беков. Неизбежным следствием этого явилось изменение в этот период и форм землевладения в Бухарском ханстве.

Большая часть земель, принадлежавших изгнанным феодалам, поступила в распоряжение эмира, превратившись в земли амляковые. Разумеется, эмир Насрулла, стремясь всемерно подорвать политическое значение феодальной знати, главным образом родовых беков, отнюдь не ставил перед собой задачи уничтожить самый институт крупного феодального землевладения. Производя массовые конфискации земель непокорных феодалов, он в то же время наделял землями своих сторонников из числа феодалов покорившихся. Часть их поступала на службу к эмиру и получала от него танхо, но уже не на правах вотчинного наследственного владения, а на правах временного или пожизненного поместного владения при условии несения службы бухарскому эмиру. При этом в виде танхо жаловались уже не целые деревни и вилайеты, а, как правило, отдельные участки амляковой земли, обрабатываемой крестьянами.

Так, например, в одном из указов эмира Насруллы говорится: «Летние и осенние доходы одного джуфти-гова земли, находящейся в руках гулама двора его величества Имамкула-Бахатура в местности Суфиен-Маймонек, мы пожаловали ему, и поэтому по вопросам податей с вышеупомянутой земли никто не должен беспокоить его».

[1] А. Федченко, цитированная работа, стр. 53.

В танхо передавались участки амляковой земли с определенным количеством крестьянских дворов, причем число дворов зависело от звания и служебного положения получателя. Д. Н. Логофет сообщает следующее: «Простой рядовой нукер получает 1 танху; далее количество их определяется чином, постоянно увеличиваясь, например, караул-беги — 6 дворов, мирахур — 13, бий — 18 и т. д.».[1] Число дворов, которые предоставлялись в качестве танхо, иногда было более значительно; оно доходило до 50—100 и более дворов. Таким образом, бухарский эмир, создавая свою собственную армию, содержал значительную часть этой армии в основном за счет жалуемой в танхо земли. Ядром армии эмира были сыновья танходаров — знатных служилых людей.

Феодальная система земельных пожалований в виде танхо была особенно сильно развита в так называемой Восточной Бухаре. После того, как Бухарское ханство стало вассальным государством царской России, эмир Музаффар, сын эмира Насруллы, огнем и мечом покорил Ширабад, Гиссарскую долину, Куляб, Бальджуан и другие независимые владения беков. Все упомянутые земли, будучи захвачены эмиром, были им объявлены землями амляковыми. Чтобы удержать власть в своих руках, эмир Музаффар сделал здесь своей опорой местную аристократию, старое военно-служилое сословие и духовенство. Он давал им чины и наделял их танхо. Б. Г. Гафуров приводит ряд характерных фактов. Так, например, он пишет: «...бахадур, т. е. обладатель самого низшего из чинов, получал с двух кошей[2] — ушр (десятина) и кафсан (натуральная плата), а бий додхо, т. е. обладатель высших чинов, получал налоги с целых кишлаков. Крестьяне в этих кишлаках находились фактически на положении крепостных.

Так, например в Калай-Ляби-обском районе судур (крупный духовный чин) Абас-Ходжа в качестве танхо имел кишлак Фахробод, в котором было 270 хозяйств. Кроме того, он имел танхо в кишлаках Дорон-мазор, Гали и других. Кишлаки же Сахи-Дора, Товал-Дора, Хоста и другие со всеми жителями являлись танхо крупного чиновника Махмад Алимшо. Крестьяне, находившиеся в танхо, должны были обрабатывать землю своего хозяина и находились в полном его распоряжении; он забирал по своему желанию девушек, отбирал дома и совершенно безнаказанно измывался над отданными в его распоряжение крестьянами (так называемыми бына)»[3].

Характерной особенностью танхо, отличавшей его от западноевропейского бенефициального и российского поместного землевладений, являлось то, что танходары Бухарского ханства сами не занимались организацией хозяйства на пожалованных участках. Танходар довольствовался правом взимать в свою пользу налог-ренту, поступавшую ранее в казну эмира и равную обычно ⅓ урожая. Своим правом сбора ренты танходар злоупотреблял, стараясь выжать из непосредственного производителя как можно больше; однако сами условия натурального хозяйства ограничивали в этот период возможности таких злоупотреблений, и, по выражению Маркса, «емкость желудка полагала предел эксплуатации крестьян».

Танхо находилось в пользовании танходаров временно или пожизненно и поэтому по истечении известного срока или после смерти танходаров переходило в распоряжение эмира, превращаясь снова в земли амляка. Чтобы возобновить право пользования танхо, танходару приходилось обращаться через вышестоящих чиновников с заявлением к эмиру с просьбой о возобновлении ему соответствующего по положению танхо; эмир обычно не отказывался удовлетворить подобную просьбу. Он поручал своим сановникам проверить, соответствует ли заявление действительности. После этого составлялся список входящих в танхо дворов, в который включались и данные обмера относившейся к этим дворам земли; список представлялся на утверждение эмиру, который обычно новой грамотой, так называемым маншуром, возобновлял право пользования танхо.

Так, например, в архиве кушбеги имеется документ, где приводится заявление чиновника Ядгар чехраагаси из Арбанджи на имя эмира о том, что он пользовался танхо на основании выданной ему эмиром грамоты-маншур и что в настоящее время истек срок пользования танхо, вследствие чего полученная им грамота аннулирована. Он обращается к эмиру с просьбой удостоить его новой грамотой-маншур.

Непосредственный производитель — крестьянин, обрабатывающий амляковую землю, — являлся зависимым или от эмира, или от танходара. Его хозяйство временами переходило в распоряжение танходара и, в связи с прекращением права владения танходара, вновь переходило к эмиру. Танхо, таким образом, было поместьем феодального типа, обладавшим, однако, некоторыми специфическими особенностями.

Когда амляковой землей распоряжался сам эмир, рента приобретала форму налога; когда же участок амляковой земли переходил в качестве танхо в руки танходара, то рента теряла свою прежнюю форму налога и принимала уже обычную феодальную форму. Крестьяне, сидевшие на амляковых землях, номинально вели самостоятельные хозяйства, пользо-

[1] Д. Н. Логофет, цитированная работа, стр. 244.
[2] Кош — парная воловья упряжка.
[3] Б. Г. Гафуров, цитированная работа, стр. 422.

лались своими орудиями; фактически же они находились в феодальной зависимости то от эмира, то от танходара. Их хозяйствам постоянно угрожало разорение. За несвоевременную уплату ренты, за малейшее неповиновение хозяйство крестьянина конфисковывалось эмиром или танходаром.

Крупные танходары из числа высших чиновников жили в столице при дворе эмира и сами непосредственно не имели никакого отношения к управлению деревнями, доходы с которых поступали в их распоряжение. Выколачиванием ренты из крестьян занимался специальный их уполномоченный, доверенность которому заверялась судебными органами. О функциях уполномоченных свидетельствует один из архивных документов, представляющий собой доверенность, выданную Абдуллой дадха некому Маруфджану, сыну Захидбая, которому поручался сбор танхо, расположенного в местности Чарбага отка Пермаста с условием передачи собранного танходару, или предоставлялось право передать сбор ренты на откуп.

С развитием товарно-денежных отношений в Бухарском ханстве на сцену выступает система сдачи сбора ренты на откуп особым откупщикам — муста'джирам. Земельная рента принимает в связи с этим сначала смешанную денежно-продуктовую, а затем чисто денежную форму и находит свое выражение в определенной сумме денег, ежегодно получаемой танходарами от своих откупщиков-сборщиков ренты. Сборщиками ренты становятся лица из числа купцов и ростовщиков. Если раньше сами танходары являлись посредниками, между крестьянами и верховным собственником — эмиром, то теперь между ними и крестьянами в свою очередь появляется посредник — муста'джир. Однако между тем и другим посредничеством есть существенная разница. Танходар, получая танхо за службу, взимал ренту с крестьянина, сидевшего на его земле, и часть этой ренты преподносил эмиру в виде различных подарков, другую же часть потреблял сам со своей свитой; муста'джир, получая танхо на откуп, становится правомочным взимать ренту с того же крестьянина в значительно большем размере с расчетом не только уплатить танходару откупные, но и самому получить определенную прибыль.

В Бухарском ханстве урожаи собирались два раза в год: летом (сафед-бари) и осенью (кабуд-бари). В соответствии с этим сбор ренты также происходил два раза в год. Как видно из одного заявления эмиру, муста'джиры Мирджан и Сахибназар получили на откуп танхо, принадлежавшее Ахмеджану токсаба и находившееся в тумане Камельмуслим, за 3 100 тенег. Из этой суммы осенью они уплатили танходару 1 500

тенег, из летних же сборов ренты успели возместить лишь 1 080 тенег, когда умер танходар. Так как после смерти танходара земля переходила в распоряжение эмира, то амлякдар произвел дальнейший сбор ренты в ханскую казну и отказался возместить муста'джирам без письменного разрешения 520 тенег, которые они не успели покрыть. Этим обстоятельством и была вызвана подача заявления, хранящегося в архиве кушбеги.

Муста'джира интересовала рента не как средство потребления, а как средство денежного накопления. Основная масса муста'джиров состояла, как мы выше уже говорили, из ростовщиков и поэтому о степени эксплуатации непосредственного производителя муста'джирами можно судить исходя из уровня ростовщического процента.

По сообщению Д. Н. Логофета доходы от ссуд, получаемые ростовщиками Бухарского ханства, достигали 50—100%[1]. Разумеется, ростовщики не становились бы муста'джирами, если бы рассчитывали получать со своего капитала при откупах меньший процент, чем при ростовщических операциях, т. е. если бы получаемые ими доходы оказались меньше ростовщического процента; в этом случае они, несомненно, предпочли бы остаться ростовщиками. Следовательно, есть все основания полагать, что «посредничество» муста'джиров значительно увеличивало сумму взимаемой с непосредственных производителей ренты, ибо рента эта стала теперь источником доходов не только танходаров, но и самих бесчисленных муста'джиров; из крестьян выколачивался не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта.

В связи с этим следует отметить ошибочность трактовки этого вопроса, допущенной в «Истории народов Узбекистана», где говорится: «Права сбора податей с них (с танхо. К. М.) танходары (те, кому жаловалась во временное пользование земля) могли сдать кому-либо в аренду или на откуп, или взимать подати непосредственно сами. Сидевшее на таком участке население не испытывало никаких перемен от подобного пожалования, ибо земледельцам было совершенно безразлично, кому платить подати — эмиру или другому лицу»[2].

Правда, прежде бывало так, что с переходом амляковой земли в качестве танхо в руки танходаров форма распоряжения трудом крестьян, сидевших на земле танхо, как и степень их эксплуатации, не менялись. Но впоследствии, в связи с развитием товарно-денежных отношений, появлением и ростом числа откупщиков, характер взимания ренты танхо-

[1] Д. Н. Логофет, цитированная работа, стр. 297.
[2] История народов Узбекистана, т. II, АН УзССР, 1947, стр. 145.

дарами, как мы видели выше, коренным образом изменяется, размеры ее резко увеличиваются, положение земледельцев в связи с этим становится чрезвычайно тяжелым. Присваивают ренту теперь не только танходар и эмир, но также откупщики, которые получают часть ренты в виде высокой прибыли на капитал, авансированный ими танходару. Начало XX в. характеризуется все бо́льшим ухудшением экономического положения крестьянства в Бухаре.

Несмотря на проникновение в Среднюю Азию русского капитала, наиболее активно происходившее в годы, которые предшествовали первой мировой войне, социально-экономическая сила в Бухарском ханстве осталась в руках феодально-землевладельческого класса, и само государство полностью сохранило свою феодальную основу. Однако дальнейшее развитие товарно-денежных отношений сопровождалось и дальнейшим расширением откупщической системы сбора ренты.

Откупщики, в свою очередь, стали за плату передавать право взимания ренты одному или нескольким лицам. Центром оформления актов передачи на откуп и пунктом сосредоточения муста'джиров становится г. Бухара. Десятки муста-джиров группировались вокруг каждого танходара и вели ожесточенную борьбу между собой за получение танхо на откуп. В этой борьбе выигрывал, разумеется, тот, кто предлагал танходарам наибольшие откупные. Танхо сдавались на откуп ежегодно, поэтому муста'джиры старались как можно раньше,— обычно в зимний период,— закрепить танхо за собой, внеся определенный аванс танходарам в счет будущего сбора ренты. Несмотря на получение аванса, танходары оставляли за собой право передавать танхо на откуп другому муста'джиру если последний предложит бо́льшую плату.

Передача танхо от одного муста'джира другому совершалась каждый раз посредством официального акта, оформляемого в казихане. Казихана, вообще считавшаяся в Бухаре священной, превращалась в нечто, напоминающее биржу. Сделки (по сведениям, лично сообщенным автору бывшим бухарским муста'джиром Ходжа Файзуллой) совершались следующим образом: муста'джир вносил аванс танходару за право приобретения им танхо в сумме, например, 8000 тенег, но акт оформлялся на сумму 10 000 тенег. Этот документ на 10 000 тенег представлял собой гарантию на право сбора с получаемого на откуп участка этой суммы, как минимальной. Если находился муста'джир, который был согласен уплатить танходару бо́льшую сумму, например, 12 000 тенег, то танходар, разумеется, аннулировал первую сделку, рассчитывая на то, что он может компенсировать 10 000 тенег, гарантированные первому муста'джиру, и в то

же время увеличить откупные за танхо на 2 000 тенег. Но в таком случае новая сделка должна быть оформлена уже на 14 000 тенег, что составляло гарантированную сумму дохода второго муста'джира, который может уступить приобретенное им право сбора ренты третьему муста'джиру лишь в случае возмещения ему этой суммы.

Разницу, получаемую при передаче права на откуп другим муста'джирам, бухарские муста'джиры называли «макбуз», что означает «схваченный». При оформлении подобных актов, кази получал вознаграждение (мухр-номе); получали его и посредники (ширин-коме). Заключение всех этих сделок, сопровождавшееся жестокой конкуренцией муста'джиров, происходило, конечно, безо всякого ведома непосредственного производителя-крестьянина, за счет его будущего прибавочного продукта.

Таким образом, во владениях танходаров крестьянин находился в положении крепостного. Правда, самих крестьян танходары продавать не могли, но фактически сдача на откуп права сбора ренты являлась актом продажи земли вместе с живущими на ней крестьянами.

В месяце саратан, т. е. в начале июня, кази собирал всех муста'джиров города и объявлял им о том, что заключение сделок прекращается (так называемый фасх). Со дня объявления фасха новая сдача танхо на откуп считалась недействительной. После многочисленных сделок между муста'джирами последний из них должен был, наконец, иметь дело уже непосредственно с крестьянами.

Земельная рента, которая взималась с непосредственного производителя, частью компенсировала суммы, авансированные муста'джиром танходару и переданные им в качестве «макбуз» другим муста'джирам, а также кази и посредникам; другая часть этой ренты оставалась у самого муста'джира и служила ему средством дальнейшего расширения откупщических операций с целью эксплуатации все большего числа крестьянских хозяйств.

Значительная доля ренты взималась натурой, т. е. продуктами. При реализации этих продуктов муста'джирам приходилось известную часть полученной ими ренты уступать бухарским купцам или русским торговцам.

В начале XX в., особенно в связи с открытием семи отделений банков в Бухарском ханстве, многие муста'джиры платили откупные не только из «своих» денег, но часто стали пользоваться и денежными кредитами банков и саррафов (ростовщиков); благодаря этому часть ренты присваивалась в форме денежного процента банкирами и ростовщиками.

Таким образом, система эксплуатации крестьян в Бухарском ханстве была построена по принципу сложной иерархической лестницы, нижние ступени которой занимали многочисленные откупщики разных масштабов, танходары, саррафы, бухарские купцы, а верхние — эмир, его чиновники, российские комиссионеры и банкиры.

Феодальные отношения в Бухарском ханстве в этот период, обусловливая растущую эксплуатацию крестьянства, задерживали развитие производительных сил. Муста'джиры, так же как и танходары, интересовались лишь получаемыми ими доходами, но никак не самим процессом сельскохозяйственного производства. Другими словами, выколачиваемая ими рента ни в какой своей части, никоим образом не превращалась в средства, способствующие развитию производительности труда.

По выражению Маркса «... ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы, вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает это злополучное состояние, при котором общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда».[1] И далее, характеризуя ростовщиков, Маркс пишет: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях».[2] То, что Маркс пишет о ростовщиках, вполне можно отнести и к бухарским муста'джирам.

В связи с расширением откупщической системы сбора ренты положение крестьян стало совершенно невыносимым; они были обречены на голод и нищету даже в самых богатых и плодородных областях Бухарского ханства.

Усиление двойной эксплуатации крестьян и всего трудящегося населения Бухарского ханства местными феодалами и русской буржуазией неизбежно приводило к росту и обострению всех классовых противоречий в стране, к борьбе трудящихся масс ханства, под руководством русского пролетариата, против эксплуатации и угнетателей, закончившейся свержением ханской власти и воссоединением узбекского народа в едином социалистическом государстве — равноправной составной части Советского Союза. Изучение всех этих вопросов должно явиться предметом особого исследования.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1952, стр. 610.

[2] Там же.

Исправление

Сноска на стр. 38 относится к ссылке на стр. 32, 1-я строка снизу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая. Общая характеристика амлякового землевладения	3
Глава вторая. Сущность амляковой формы земельной собственности	18
Глава третья. О ходе исторического процесса образования амляковой формы земельной собственности	28
Глава четвертая. Амляковая форма земельной собственности и социально-политическая структура Бухарского ханства	39
Глава пятая. Реализация амляковой формы земельной собственности в ренте	45
Глава шестая. Амляковая форма земельной собственности и феодально-крепостнические отношения в Бухарском ханстве	56
Глава седьмая. Амляковая форма земельной собственности в период вассальной зависимости Бухарского ханства	69
Глава восьмая. Танхо как превращенная форма амляковой земельной собственности	91

Ответственный редактор *Н. Е. Омелин*
Редактор издательства *И. А. Наймарк*
Технический редактор *З. И. Сорокина*
Корректор *Н. В. Важева*

Р02026 Подписано к печати 23/I 54 г. Бумага 60×92¹/₁₆=3,25 печ. л. 6,5 Изд. л. 6,6 Тираж 1000 Цена 3 р. 95 к.

Типография Из-ва АН УзССР Ташкент 1954 г. Заказ 1444.